

A movie poster for Anastasia Sialana's work. The top features the name 'Анастасия Сиалана' in a golden, serif font. The central image shows a man with dark hair and a light shirt, and a woman with long, flowing blonde hair wearing a red and blue patterned dress. They are standing on a balcony with pink flowers, looking out at a large, illuminated castle at night. The bottom of the poster has the title 'Мистер и Мисс Магистр' in a large, ornate, golden font with a decorative flourish between the two lines.

Анастасия Сиалана

Мистер и Мисс
Магистр

Анастасия Сиалана

Мистер и Мисс Магистр

«Автор»

2026

Сиалана А.

Мистер и Мисс Магистр / А. Сиалана — «Автор», 2026

Смешать в одной аудитории нежных целителей и неотесанных боевиков — плохая идея. Заставить их преподавателей работать в паре — катастрофа. Я циничный полевой хирург, привыкшая спасать жизни тонким плетением эфира. Он отставной генерал Арден Мистер, чья магия и методы преподавания больше напоминают удар кувалдой. Мы искренне и с удовольствием ненавидели друг друга ровно до тех пор, пока в академию не нагрянула министерская проверка. Теперь нам придется работать вместе. Кто бы знал, к чему это приведет, давно развел бы нас в разные концы мира.

© Сиалана А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Генерал на мою голову	5
Глава 2. Официальное объявление войны	11
Глава 3. Очередь к катастрофе	17
Глава 4. Разведка	20
Главы 5. Осадная ботаника и иллюзии хаоса	25
Глава 6. Иллюзия контроля и интриги ректора	32
Глава 7. Саботаж и временное перемирие	37
Глава 8. Боевики и медики	44
Глава 9. Право на ошибку	48
Глава 10. Обмен заложниками	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анастасия Сялана

Мистер и Мисс Магистр

Глава 1. Генерал на мою голову

Утро началось с ожога, идеалистки и надвигающейся катастрофы, которая еще не успела официально представиться, но уже по-хозяйски, деловито развешивала свои пыльные вещи в прихожей моей жизни.

Ожог был у студента. Идеалистка отражалась с утра в моем зеркале, потому что я вообще когда-то, в приступе необъяснимого альтруизма, решила, что преподавать хирургию малолетним оболтусам — это хорошая, перспективная идея для карьеры. Особенно здесь, в престижной военной академии, где всегда существовало четкое, негласное разделение на элитный боевой корпус и гражданское отделение, к которому относились все мы, хирурги.

А катастрофа... Катастрофа прибыла к нам прямиком с военной половины. С пухлым личным делом, безупречной, раздражающей армейской выправкой и дурацкой, слишком простой фамилией Мистер.

Этот отставной вояка прибыл к нам в начале учебного года, чтобы преподавать студентам основную боевую подготовку. И мы бы прекрасно существовали на разных факультетах, ведя свои основные предметы и никогда не пересекаясь, если бы генералу не захотелось расширить влияние. Он дерзко подал в ректорат заявку на открытие нового спецкурса — «Выживание в полевых условиях». Проблема заключалась в том, что ровно на те же самые часы и единственный свободный бюджетный грант претендовала и я со своим факультативом «Полевое целительство».

На тот момент, стоя над пациентом, я еще не знала, что этот мой вторник официально переходит из разряда «просто мерзкий» в категорию «исторически кошмарный, будь он трижды проклят».

— Магистр Вейн, я клянусь, я только хотел немного ускорить процесс... — виновато, глотая гласные, промямлил первокурсник Нерис, прижимая к груди правую ладонь.

Я мрачно, исподлобья посмотрела на него. Потом опустила взгляд на его пострадавшую руку. Рука выглядела так живописно, будто по ней только что с пробуксовкой проехался раскаленный огненный элементаль с очень плохим настроением.

— Вы решили лечить свежий, глубокий ожог консервирующим плетением, — я изо всех сил постаралась, чтобы мой голос звучал ровно и профессионально, хотя внутри у меня уже начинало подгорать похлеще, чем эпидермис у Нериса. — Вы решили не заживить поврежденные ткани, не охладить их температуру, а намертво закрепить термическое повреждение в его первозданном, агонизирующем виде, чтобы любоваться им вечно. Скажите мне на милость, курсант Нерис, вы всегда так активно и творчески сотрудничаете со своими травмами, или это у вас разовая, экспериментальная акция по самоликвидации перед сессией?

Парень покраснел до самых корней светлых волос. Уши у него стали настолько горячими и пунцовыми, что хоть сейчас фотографируй их и вставляй в медицинский учебник по анатомии в раздел «Острые воспалительные процессы».

— Я просто перепутал вектор схемы в уме...

— С чем вы его перепутали? С бытовым заклинанием на вяление овощей в кладовке? — я жестко перехватила его дрожащее запястье, фиксируя руку.

За соседним лабораторным столом кто-то из студентов громко, не сдержавшись, фыркнул. Я даже не повернула головы. У опытных преподавателей на такие фоновые звуки со временем вырабатывается особый, радарный дар: я безошибочно вычисляю виновного по сбив-

чивой частоте дыхания и по тому, как вся остальная аудитория вдруг начинает испытывать острое, коллективное желание резко слиться с интерьером или превратиться в ветошь.

Моя диагностическая магия прохладным мазком скользнула по его обожженной коже. Засветилась бледно-синим. В самом центре раны тут же уродливо вспыхнули желтоватые нити того самого, ошибочного контура фиксации.

У меня мелко, нервно дернулся левый глаз. Мой внутренний перфекционист-хирург в этот момент просто молча вышел в открытое окно. Это был не просто банальный идиотизм по неопытности. Это был идиотизм творческий, выполненный с большим энтузиазмом и размахом. Едва пробило восемь утра, мой утренний кофе еще даже не успел стать достаточно холодным, чтобы я по привычке начала считать его помоями, а я уже отчаянно хочу лечь лицом на холодную кафедру и не вставать до самого конца семестра.

— Сильно больно? — сухо спросила я, щелчком пальцев активируя свой зеленый кристалл стабилизации.

— Уже чуть меньше, магистр...

— Искренне жаль это слышать. Потому что иногда физическая боль — это единственный, эволюционно доказанный способ вбить хоть какие-то знания в голову, которая принципиально отказывается пользоваться толстыми и чрезвычайно полезными учебниками.

Я плавно пропустила успокаивающую магию сквозь пальцы. Это была тонкая, ювелирная работа, нужно было аккуратно, как пинцетом, подцепить кривое плетение Нериса так, чтобы не содрать вместе с ним весь верхний слой уцелевшей дермы. Вязкое, почти физическое, профессиональное удовлетворение накрыло меня, когда его желтые искры наконец-то с треском рассыпались безвредным пеплом, освобождая плоть.

Вот именно ради этого редкого чувства я всё ещё здесь работаю. Ради того самого момента, когда хаос вокруг рассеивается, чужая боль отступает, а очередной самоуверенный юнец остается жив и, будем скромно надеяться, хотя бы на микроскопическую йоту умнее, чем был вчера.

— перевязка в лазарете строго дважды в день. Руку физически не нагружать даже ложкой. На следующую практическую пару явиться вовремя и усердно молиться всем известным богам, чтобы я к тому времени немного подобрела.

— Да вы и так у нас самая добрая, магистр Вейн! — ехидно прилетело с галерки.

Я медленно, очень, очень медленно и грациозно подняла тяжелый взгляд от стола.

— Назовитесь, смертник.

Аудитория предала своего героя мгновенно и безоговорочно. Все десять голов первокурсников синхронно, как по команде, повернулись в угол, уставившись на Риена Талберта. У этого парня была слишком уж широкая, обаятельная улыбка для человека с настолько клинически атрофированным инстинктом базового самосохранения.

— Талберт, — я улыбнулась ему в ответ так сладко, что у него, уверена, мгновенно похолодели пятки в сапогах. — Раз уж я у нас в академии официально признана доброй... Сегодня, сразу после занятий, вы пойдете на склад и будете в одиночку сортировать наши учебные алхимические наборы по степени их ядовитости и летучести. Строго без защитных перчаток.

Он побледнел.

— Ладно, расслабьтесь, Талберт, я же шучу. Защитные перчатки я вам, конечно, выдам. Я же «добрая». Но выдам только одну. Правую. Левую руку берегите сами.

И именно в этот самый, идеально выверенный педагогический момент... За толстой стеной моего корпуса что-то грохнуло.

Не просто громко упало. Основательно ухнуло. Тяжело. Раскатисто.

Грохнуло так мощно, будто нашу тысячелетнюю академию внезапно решили капитально перестроить прямо сейчас, с применением артиллерии, совершенно не спрашивая моего ценного мнения и явно не руководствуясь здравым смыслом. Каменные стены аудитории ощутимо

дрогнули, с потолочных сводов посыпалась мелкая белая пыль, мерзким слоем оседая на моих идеально, по линейке разложенных стерильных хирургических инструментах.

Я замерла с кристаллом в руке. Внутри живота всё мгновенно скрутило тем самым, старым, до боли знакомым узлом. Так всегда бывает на настоящем поле боя, когда ты по вибрации земли спинным мозгом понимаешь, что сейчас в твой квадрат прилетит что-то очень тяжелое и разрушительное.

И оно прилетело. Незамедлительно.

Второй и третий удары в стену сопровождались раскатистым рыком, от которого мой позвоночник сам собой рефлекторно выстроился в стальную, напряженную линию.

Это был низкий, грудной мужской голос. Ровный. Без истеричного надрыва или паники, звучащий как удар кувалды. И оттого абсолютно, физически невыносимый в этих тихих стенах.

— Щиты держать выше, сопляки! — громыхало за окном. — Вы сейчас защищаете свой фланг или пытаетесь красиво и театрально сдохнуть?! Колени мягче, пружиньте! Или я сам сейчас спущусь и выбью их вам, чтобы было удобнее падать!

Я на секунду закрыла глаза, глубоко вдыхая воздух с пылью.

Три жалких часа сна этой ночью. Четыре недописанных отчета для деканата на столе. Один почти заживо законсервированный магией студент. И теперь вот ЭТО.

Кто-то в ректорате, видимо, решил, что в моем медицинском корпусе, там, где студенты часами, не дыша, ювелирно замирают с пинцетами над оголенными нервными окончаниями манекенов, катастрофически не хватает бодрящих отвлекающих факторов. И вибрации пола, как при землетрясении в пять баллов, нам будет в самый раз для тренировки стойкости.

— Никто, — сказала я так тихо, что в огромном кабинете стало отчетливо слышно, как у перепуганного Талберта на задней парте с переборами падает пульс. — Никто из вас сейчас никуда отсюда не уходит. Нерис, сидеть на месте и не геройствовать с больной рукой. Если кто-то из вас умудрится нелепо покалечиться в мое отсутствие, пока я хожу за самым острым скальпелем для виновника этого шума... Клянусь, я вас вылечу, а потом травмирую повторно, но уже лично. Сидеть тихо.

Я стремительным шагом вышла из аудитории в коридор. Воздух здесь буквально гудел и вибрировал от близких магических боевых всплесков.

Во внутреннем, мощеном дворике прямо под нашими окнами уже собралась приличная толпа зевак. Лавируя между жадно вытягивающими шеи студентами-старшекурсниками, я чувствовала, как во рту появляется знакомый, солоноватый металлический привкус. Предвестник настоящих, крупных административных проблем.

И вот он. Источник моего персонального бедствия, во всей красе.

Двадцать потных, запыхавшихся студентов боевого факультета в тяжелых тренировочных куртках стояли полукругом. Их силовые щиты мелко дрожали, искрили от напряжения и пробивающих ударов.

А в самом центре этого двора, как скала, возвышалась фигура в темной, глухой военной форме.

Высокий. Широкоплечий. Он почти не двигался с места, отдавая короткие, рубленые команды, но от его фигуры исходила такая плотная, физически ощутимая волна подавляющей, тяжелой мужской уверенности, что хотелось либо немедленно, рефлекторно вытянуться перед ним по стойке смирно и подчиниться... Либо немедленно, из вредности, объявить ему полномасштабную партизанскую войну.

Я видела только его широкую спину и профиль. Резкий, как небрежный рубящий удар мечом. И раннюю седину на висках, которая совершенно не старила, а только добавляла ему той опасной, жесткой мужской зрелости, от которой у неопытных первокурсниц обычно глупо кружится голова, и они начинают хихикать в коридорах.

У меня же от этого зрелища закружилось только одно: жгучее желание немедленно проверить его толстую армейскую шкуру на устойчивость к моим самым ядовитым комментариям.

Картинка сложилась в уме мгновенно. Слухи об этом уже неделю гуляли по преподавательской. Я знала, что эти оболтусы-боевики последние два дня ходили гурьбой за новым приглашенным инструктором и буквально скулили, умоляя его провести для них хотя бы одну настоящую, жесткую внеплановую тренировку. Хотели, чтобы легендарный вояка показал им «парочку реальных боевых приемов» из своей практики. И наш добрый дедушка-ректор, видимо, в приступе маразма, эту блажь официально одобрил. Но почему, во имя всех демонов, он выделил им место для игрищ прямо здесь, у самого тихого крыла целителей?!

— Кто именно разрешил вам проводить тяжелую боевую практику с выбросами магии прямо под окнами хирургического отделения целителей?! — мой голос, усиленный злостью, разрезал шум и грохот двора, как стеклорез.

Он спокойно и плавно, без суетливых рывков, обернулся на мой окрик. Серые глаза, выцветшие, холодные и пронзительные, как вороненая сталь в январском инее, остановились на мне. Его взгляд мгновенно, профессионально-цепко мазнул сверху-вниз, за долю секунды фиксируя каждую деталь: от растрепавшихся от быстрого шага волос и пылающих щек до грязного желтого пятна от стабилизирующей мази на белоснежной манжете моей мантии. Он сканировал меня как потенциальную угрозу. Или как препятствие.

— А вы, полагаю, и есть та самая знаменитая магистр Мелисса Вейн, — произнес мужчина, не меняя позы.

Его голос был удивительно глубоким, с хрипотцой, явно без труда перекрывает грохот канонады на полигоне. И в нем всё ещё звучала эта чертова, неистребимая «командирская» властная нотка, на которую мой измученный недосыпом организм вдруг отозвался совершенно предательской, мелкой дрожью где-то на кончиках пальцев.

— Я — тот человек, который только что задал вам прямой вопрос, — я подошла к нему еще ближе, намеренно игнорируя то, как перепуганные студенты-боевики начали синхронно, как по команде, пятиться от нас обоих к стенам. — Мне нужно повторить свой вопрос медленнее и громче? По слогам? Или боевым генералам нужно обязательно подавать информацию в письменном виде, с приложением цветных карт и нарисованных стрелочек направления движения?

Арден Мистер.

Его дурацкая фамилия наконец-то всплыла в моей кипящей голове, принося с собой фантомный запах гари и стойкое чувство надвигающегося отчаяния. Да, это был именно он. Тот самый расхваленный в министерстве новый «спаситель» боевого факультета и мой прямой конкурент за факультативный бюджет. Я еще не успела пересечься с ним лично в коридорах, этот заносчивый сноб просто проигнорировал и не явился на приветственный банкет для преподавателей в начале семестра.

И теперь я видела: кто-то из моих коллег, расхваливая его манеры, не ушел далеко от истины. Это осознание меня почему-то взбесило еще сильнее, но я только гордо, с вызовом подняла подбородок.

— Магистр Арден Мистер к вашим услугам, — он чуть сузил свои серые глаза, принимая мой вызов. — Отвечая на ваш вопрос: с сегодняшнего дня именно я головой отвечаю за то, чтобы все эти ваши изнеженные дети в форме не стали постоянными, тяжелыми пациентами вашего гражданского лазарета в первую же неделю своей реальной службы на границе. А эту тренировочную площадку мне официально выделил сам ректор. Час назад. Сказал, цитирую: «Здесь, у крыла медиков, для бойцов всегда особенно вдохновляющая, отрезвляющая атмосфера».

Ах ты ж старый интриган... Убью ректора. Лично отравлю ему вечерний чай.

— Атмосфера в этом дворе была идеально спокойной и рабочей, магистр Мистер. Ровно до тех пор, пока вы не решили с какого-то перепугу устроить тут шумный филиал армейского полигона, — я улыбнулась ему в лицо самой ласковой, самой ядовитой из своих фирменных улыбок. — Если из-за ваших бравых командирских криков и вибраций земли у меня в операционной сорвется хоть одна тонкая магическая стабилизация тканей пациента... Я лично принесу ректору поименный список всех потерь. И, поверьте моему богатому словарному запасу, я опишу ему каждое полученное повреждение в таких красочных, кровавых анатомических деталях, что наш уважаемый старик начнет заикаться до конца своих дней.

Он не отступил ни на дюйм. Наоборот, он сделал шаг вперед.

Один-единственный, плавный скользящий шаг, но пространство между нами мгновенно угрожающе схлопнулось до минимума. От него остро пахло мужским потом, хорошей старой кожей, пылью и холодным оружейным металлом. Запах войны.

— Мои студенты здесь учатся выживать в бою, магистр Вейн, — жестко, чеканя слова, сказал он, нависая надо мной. — В наше время это крайне полезный практический навык. Гораздо полезнее теории.

— Замечательно. Просто восхитительно, — не отступая, парировала я, вскинув голову. — А мои студенты за этими окнами учатся потом по кускам собирать тех дураков, кому ваш хваленый навык махания мечом почему-то не помог. Думаю, у нас с вами в этом семестре будет очень, очень... Терапевтическое соседство.

Я стояла, задрав голову, смотрела прямо в его потемневшие глаза и ясно видела там отражение своей собственной, клокочущей злости. И чего-то еще. Чего-то тяжелого, оценивающего.

Он не просто пришел сюда, в мою академию, вальяжно преподавать. Он пришел сюда, чтобы физически занять это пространство. Подчинить его себе, вытесняя всё то тихое и привычное, к чему я так прикипела за эти годы.

Краем глаза я заметила, как на высоком балконе ректората на секунду мелькнула знакомая седая физиономия ректора. Старик смотрел на нашу перепалку сверху вниз и выглядел так довольно, будто он только что успешно, ради забавы, подсыпал лошадиную дозу слабительного в компот всей министерской комиссии по образованию и теперь с безопасного расстояния, потирая ручки, наслаждается произведенным взрывным эффектом.

Мое утро начиналось с глупого, болезненного ожога у студента.

Кажется, к сегодняшнему вечеру оно неотвратимо грозило закончиться полномасштабной, кровопролитной войной между двумя кафедрами. И, судя по тому, как именно Арден Мистер сейчас смотрел на меня — предельно внимательно, холодно-изучающе и совершенно, абсолютно не собираясь ни в чем извиняться или уступать, — пленных в этой нашей личной войне брать точно не будут. Насмерть.

— Увидимся на вечернем Ученом совете, Мелисса, — небрежно бросил он мне в спину, отворачиваясь к своим замершим студентам, когда я, гордо развернувшись, направилась обратно к дверям корпуса.

Мелисса. Без титула. Без звания. Просто по имени. Хлестко, снисходительно и звонко, как пощечина.

Я не обернулась на его оклик. Не дождался. Но в глубоком кармане моей мантии напряженные пальцы с такой нечеловеческой силой сжали стеклянный медицинский кристалл, что он жалобно, с хрустом звякнул, грозя треснуть.

О да, генерал. Мы с тобой еще обязательно увидимся на этом совете. И я очень, очень сильно постараюсь, чтобы этот самоуверенный «Мистер» раз и навсегда понял одну простую истину на своем теле: опытный полевой целитель — это далеко не только мягкие бинты, успокаивающие отвары и лечебные мази.

Целитель — это еще и очень точное, фундаментальное анатомическое знание того, куда именно, в какой нервный узел нужно ударить противника, чтобы ему стало максимально больно.

Глава 2. Официальное объявление войны

Когда ректор смотрит на тебя с таким лучезарным, отеческим лицом, хочется немедленно совершить одно из двух действий: либо молча положить на стол заявление об увольнении по собственному желанию, либо предварительно, с чисто научным интересом, выяснить, где именно в организме этого человека находится тот крошечный орган, который отвечает за его маниакальную любовь к административным интригам. И можно ли этот орган удалить хирургическим путем. Желательно без анестезии и ржавой десертной ложкой.

Утро, начавшееся с ожога и грохота на полигоне, стремительно набирало обороты, превращаясь в полноценный фарс.

Сначала нас, узким кругом заведующих кафедрами и старших магистров, экстренно согнали в закрытый зал заседаний Ученого совета. Я сидела за длинным дубовым столом, чувствуя, как по затылку ползет липкий, неприятный холодок чужого, оценивающего внимания. Коллеги вокруг нервно перешушукивались, гадая о причинах внезапного сбора.

Прямо напротив меня, сложив руки на груди, сидел Арден Мистер.

Он дышал новой, еще не до конца осознанной мной угрозой. Выглядел этот новоявленный генерал так, словно его вообще не касалась вся эта академическая суета. Он был неподвижен. Статуя. Монументальный памятник военной дисциплине и подавленному раздражению. Казалось, эта кабинетная театральщина его совершенно не трогает, только его тяжелый, как гиря, взгляд периодически скользил по присутствующим, прогибая их под себя. Этот взгляд на секунду задержался на мне, и я почти физически, кожей почувствовала, как он меня профессионально просканировал на наличие уязвимостей, а затем снова равнодушно вернулся к председательскому креслу.

Какой собранный. Какой до тошноты, раздражающе безупречный. Подозреваю, что даже если прямо сейчас на его голову с потолка рухнет тяжелая хрустальная люстра, он сначала спокойно, по-уставному отойдет ровно на один шаг в сторону, стряхнет пыль с обшлага рукава, а уже потом посмотрит на виновного завхоза с презрительным выражением: «И это всё, на что способен ваш диверсионный отряд?».

Во главе стола сиял наш дорогой глава академии. Старик-ректор выглядел так довольным, будто он прямо сейчас стал свидетелем не назревающего крупного профессионального мордобоя между двумя факультетами, а очень удачного, редкого брачного танца двух агрессивных, территориальных хищников в зоопарке.

Ненавижу стариков с хорошим чувством юмора. Особенно, когда ты попадаешь в прицельную дальность поражения этого чувства, и оно направлено точно в твою сторону.

— Дорогие коллеги! Мы с вами торжественно вступаем в новую эпоху перемен, — пафосно начал ректор, и я мысленно добавила: «Обычно за такие исторические фразы в приличных мирах быют тяжелым канделябром по голове».

Эпоха перемен, это проклятие.

— Суровая, реальная практика! Вот чего десятилетиями не хватает нашим уютным стенам, — продолжил старик, обводя взглядом притихший зал. — Как вы знаете, наша академия уникальна своим балансом: у нас есть элитный военный корпус и сильное гражданское отделение, к которому исторически приписаны все наши глубокоуважаемые хирурги. В этом году для преподавания базовой боевой подготовки военным мы пригласили магистра Мистера. Но генерал проявил похвальную инициативу и подал заявку на открытие совершенно нового факультатива «Тактика выживания в полевых условиях».

Он плавным жестом указал на Ардена, а затем перевел взгляд на меня. По залу заседаний тут же прошел электрический разряд любопытства. Коллеги вытянули шеи.

— И в то же самое время, — голос ректора зазвучал еще более елебно, — наша блистательная магистр Вейн, ведущий хирург, подала встречную заявку на открытие своего спецкурса — «Высшее полевое целительство». Две великолепные, жизненно важные дисциплины. Но...

Ректор сделал театральную паузу, смакуя её так неприлично долго, что я на полном серьезе захотела проверить свои карманы: не завалился ли у меня там, чисто случайно, какой-нибудь быстродействующий парализующий порошок для ректора.

— Но учебный план, к сожалению, не резиновый, — развел руками старик. — Как и наш бюджет, урезанный министерством. В следующем году мы сможем позволить себе полноценно финансировать и включить в обязательную программу только один из этих двух факультативов в качестве основного предмета. Поэтому руководство ректората приняло соломоново решение: мы проведем годовой эксперимент.

Я сжала кулаки под столом так сильно, что ногти больно впились в ладони.

— Весь этот учебный год магистр Вейн и магистр Мистер будут официально соревноваться друг с другом, — бодро, с огоньком продолжал вещать старый змей. — Критерии оценки: скорость набора групп, процент удержания студентов на курсе, итоговая успеваемость и практические показатели выживаемости на полигонах. Чей курс в итоге окажется объективно эффективнее и популярнее к финалу весны, тот и войдет в основную сетку расписания на постоянной основе. Победитель получает всё: полное государственное финансирование, расширенный штат лаборантов и приоритет в составлении расписания. Проигравший... Ну, проигравший, увы, остается просто добровольным, неоплачиваемым факультативом на задворках учебного процесса. Если вообще останется. Вопросы есть?

Вопросы у меня были. И они рвались наружу вместе с ядом.

По залу пронесся тревожный шепоток. Профессор алхимии, сидевший слева от меня, мрачно буркнул себе под нос: — Снова будут сливать прикладные кафедры в одну уродливую химеру. Бюрократы.

Именно. Угроза висела в воздухе с весны. Если мы не покажем столичным чиновникам железобетонную эффективность, нас перекроют до неузнаваемости.

Поскольку здесь, в этом закрытом зале, не было студентов с их хрупкой психикой, я не стала сдерживать свой врачебный темперамент. Я резко, со скрипом отодвинула стул и встала.

— У меня не вопрос, господин ректор. У меня для вас точный, неутешительный психиатрический диагноз, — отрезала я на весь зал, глядя ему в глаза. — Вы, кажется, бредите наяву. Вы прямо сейчас искусственно сталкиваете лбами две ветви одной, неразделимой системы выживания! Военные и гражданские медики должны работать на поле боя в глухой, монолитной связке, страхуя друг друга, а не рвать друг другу глотки в режиме дешевых петушинных боев за бюджетные крохи!

— Здоровая конкуренция всегда выявляет лучших из лучших, Мелисса, — мягко, ничуть не обидевшись, ответил старик. Моя резкость на педсоветах уже давно никого из коллег не удивляла.

— Конкуренция?! — я повысила голос. — И в чем же конкретно мы с генералом будем соревноваться перед детьми? В том, кто из нас двоих громче кричит на плацу? Или у кого рекламный плакат факультатива нарисован ярче?! Мой курс — это не театральное представление! Это настоящая кровь, грязные бинты, ампутации и утекающее сквозь твои пальцы время человеческой жизни! Это совершенно не то веселое зрелище, на которое студенты массово приходят просто посмотреть ради интереса! Туда приходят пахать до седьмого пота, выворачивая себя наизнанку!

По рядам преподавателей прокатился нервный, сочувствующий шепоток. Я боковым зрением заметила, как Мистер, до этого сидевший неподвижно, чуть повернул голову в мою сторону, оценивая мой выпад.

— Я полностью согласен на условия ректората, — вдруг раздался его голос, мгновенно обрубив все шепотки коллег. Коротко. Емко. По-военному безапелляционно.

Он даже не стал пытаться защищать свою программу или спорить со мной о морали. Он просто холодно и расчетливо принял брошенный вызов.

И вот именно это его ледяное спокойствие взбесило меня больше всего на свете. Он уже мысленно в игре. Он уже заранее считает, что легко победил меня. Просто потому, что наивные, горячие мальчишки-студенты всегда, в ста процентах случаев, массово выберут героическое, красивое размахивание мечом на свежем воздухе, а не мое скучное, нудное и кровавое шитье разорванных кишок в лазарете. Он ставит на популярность.

— Прекрасно, — я со свистом выдохнула сквозь сжатые зубы, чувствуя, как внутри меня бурлит и закипает холодная, концентрированная ярость. — В таком случае, тщательно готовьтесь к поражению, магистр Мистер. Я органически, всей душой терпеть не могу выигрывать у тех самоуверенных людей, кто до самого конца не понимает всей серьезности и плачевности своего положения.

Через час после этого закрытого заседания ректор, желая закрепить эффект и отрезать нам пути к отступлению, официально созвал в Большой зал уже всю академию, включая студентов.

Большой зал наполнялся гудящей толпой с пугающей, лавинообразной скоростью. Студенты неслись туда с таким диким, животным энтузиазмом, будто вместо объявления о скучных реформах учебного плана им пообещали бесплатную, безлимитную раздачу крепкого заговоренного эля и официальную возможность безнаказанно, с огоньком поджечь здание деканата.

Преподаватели, уже знавшие суть дела, стекались следом с гораздо более постными и озабоченными минами. Но азартный блеск в их глазах был таким ярким, что я, стоя у колонны, сразу начала в уме прикидывать: кто из коллег на кого из нас уже тайно поставил деньги в тотализаторе, и какой именно процент со ставок забирает себе наш ушлый профессор истории в качестве букмекера.

Я медленно шла по центральному проходу к трибуне, и с каждым моим шагом меня медленно, аккуратно и с непередаваемым садистским вкусом начинала разбирать настоящая, холодная профессиональная злость. Та самая рабочая злость, которая обычно кристаллизует мой разум и помогает мне без дрожи в руках зашивать рваные артерии под вражеским обстрелом.

Новый, заносчивый преподаватель, агрессивная боевая подготовка, показательная демонстрация мужской силы прямо под окнами моей стерильной операционной и старый ректор с горящими глазами счастливого кукловода, дергающего за ниточки — всё это в комплекте пахло для меня вовсе не прогрессивной образовательной реформой. Это пахло целенаправленной, хорошо спланированной диверсией против моей и без того расшатанной нервной системы.

— Магистр Вейн, — неожиданно низким басом раздалось прямо над самым моим ухом.

Я вздрогнула от неожиданности. Совсем чуть-чуть, только кончиками пальцев сжала полы мантии, не выдав себя лицом.

Справа от меня идеально, шаг в шаг, подстроившись под мой ритм, шел Мистер. Он не ускорялся, пытаясь меня обогнать, не замедлялся, отставая. Он просто материализовался рядом со мной из толпы, как неотвратимое стихийное бедствие с безупречными, пугающими манерами хищника.

— Магистр Мистер, — ровно, с прохладцей отозвалась я, принципиально не поворачивая к нему головы. — Скажите, вы всегда так бесшумно подкрадываетесь к женщинам сзади, или

это ваша сугубо профессиональная, въевшаяся в подкорку привычка опытного охотника на крупную дичь?

— Вам стоит научить своих подопечных студентов-медиков не толпиться в панике у узких дверей, — абсолютно проигнорировал мой язвительный выпад он. Голос у него был ровный, размеренный и безэмоциональный, как пульс у свежего покойника. — В случае реальной боевой эвакуации здания половина из этих детей просто бессмысленно погибнет, в давке на пороге. Исключительно из-за своей элементарной, преступной неорганизованности.

Я остановилась посреди прохода так резко, словно вросла в каменный пол. Шедший сзади меня первокурсник-зевака едва не вписался с разбегу мне в спину, чудом затормозив.

Я медленно повернулась к Ардену, вынужденно глядя на него снизу-вверх — чертов генеральский рост! — и совершенно не скрывая своего крайне недовольного, брезгливого выражения лица. При студентах я не могла позволить себе орать, как в кабинете ректора, но мой шепот был страшнее крика.

— А вам, магистр, стоит для начала научить своих неотесанных дуболомов не орать во всю глотку под открытыми окнами работающего медицинского корпуса! В полевой медицине это называется критической шумовой помехой. А в реальных, боевых условиях, которыми вы тут так любите бравировать — это называется преступной халатностью, ведущей к смерти пациента! У меня там, на столе, шла тончайшая магическая стабилизация нервных узлов... А вы, как назло, именно в этот момент решили устроить на улице соревнование на самый громкий и бессмысленный командирский рык бабуина!

— В условиях настоящей, реальной войны, Вейн, — парировал он, наклонившись ко мне ближе, и его серые глаза на мгновение потемнели, став цвета грозового, штормового неба перед бурей, — идеальной, лабораторной тишины не бывает в принципе. Забудьте об этом. На войне бывает только грязь, кровь, внезапная смерть... И те немногие, кто оказался достаточно быстр, чтобы успеть от неё увернуться.

— В условиях реальной войны, Мистер, — я подалась вперед, понизив голос до змеиного, опасного шепота, так, чтобы слышал только он, — кто-то потом обязательно должен буквально по кускам собирать всё то, что осталось от ваших гениальных, тактических полководческих доводов на поле боя. И этот грязный, неблагодарный «кто-то» в крови — это обычно я и мои люди. Так что не смейте учить меня, как именно мне организовывать то священное пространство, в котором я спасаю чужие разрушенные жизни.

В его потемневших глазах внезапно мелькнуло что-то странное. Непонятное мне. Это было почти похоже на проблеск искреннего уважения к равному противнику. Или на голодный, хищный азарт скучающего карточного игрока, который, перебирая колоду, вдруг неожиданно для себя нашел достойную, сильную карту для сложной партии.

И вот это его выражение лица было очень, очень плохим знаком для меня. Чудовищным. Таким же пугающим, как первая, крошечная волосая трещина на бетонной дамбе за секунду перед катастрофическим, сметающим всё на своем пути наводнением.

Ему, черт возьми, нравилось со мной спорить. Ему нравилось, что я не прогибаюсь под его авторитет. И мне, к моему величайшему женскому стыду и колоссальному профессиональному риску, тоже до одури нравилось скрещивать с ним ментальные клинки.

В этот момент ректор на возвышении поднял руки, призывая гудящий зал к тишине. Он не стал вдаваться в подробности для студентов, но коротко, ярко и предельно понятно обрисовал им суть нашего годового «эксперимента на выживание», назвав нас с Мистером «двумя столпами будущей реформы». «Заинтересованные лица», как он нас окрестил. Прелестно.

Нас с Арденом не просто кулуарно столкнули лбами в кабинете. Нас сейчас публично, с помпой подали толпе как основное, самое пикантное блюдо на этом банкете тщеславия.

Наша старая академия, это, конечно, возвышенный храм древних знаний и науки... Но временами она чертовски, до боли напоминает мне жестокую гладиаторскую арену, где всем

участникам просто для приличия выдали строгие мантии, гусиные перья для письма и официальную, неограниченную лицензию на сплетни и интриги.

Когда официальное собрание закончилось, и Большой зал начал шумно гудеть, обсуждая новость, как растревоженный улей, Лисетт, сидевшая в третьем ряду, подошла ко мне первой. Четверокурсница и староста. Моя лучшая ученица. Не было сомнений, что она пойдет на мой факультатив.

Она выглядела побледневшей. Эта умная, проницательная девочка уже прекрасно поняла: спокойной, размеренной учебной жизни в этом семестре точно не будет ни у кого из нас. Мы на войне.

— Магистр Вейн, — тихо, с тревогой сказала она, оглядываясь на толпу. — Старшекурсники с боевого факультета уже всю ставят деньги на победу Мистера. Говорят, что он живая легенда пограничья. Герой. Что его курс будет самым элитным.

— Любые красивые, героические легенды, Лисетт, обычно имеют свойство очень быстро и бесславно заканчиваться ровно там, где начинается первая серьезная, гниющая инфекция в полевых условиях, — жестко, как скальпелем, отрезала я. — Мы не проиграем этот конкурс, девочка. Запомни это. Не проиграем просто потому, что я физически не умею сдаваться на милость победителя.

Я решительно развернулась, собираясь эффектно, с гордо поднятой головой покинуть зал, но снова, как по волшебству, наткнулась на Мистера.

Он стоял у самого выхода, небрежно прислонившись плечом к косяку и надежно, как скала, преграждая мне путь своей монументальной, темной фигурой.

— Ваши студенты-медики весьма трогательно и искренне преданы вам, Мелисса, — негромко заметил он, глядя куда-то поверх моей головы на стайку моих ребят с целительского факультета.

— Настоящую преданность людей нужно заслужить потом и кровью, генерал. А вот ваша дешевая, громкая популярность среди мальчишек, жаждущих поиграть в войнушку, не продлится слишком долго. Уверю вас.

— Намеряете на то, что эти парни идут ко мне на факультатив исключительно из-за моей громкой военной репутации? — он чуть приподнял бровь.

— Я не намекаю. Я констатирую факт. Я говорю о том, что весь их щенячий, романтический восторг от махания железками гарантированно проходит сразу же после их первой, реально сломанной в бою кости. Кости, которую им потом придется мучительно, стиснув зубы, лечить и сращивать самим.

Арден оценивающе сощурился, глядя на меня.

Его взгляд на короткое мгновение опустился на мои губы. Мимолетно. Почти незаметно для окружающих. Но от этого скользкого, тяжелого взгляда по моей коже вдруг пробежала такая предательская, обжигающая волна жара, что я едва не выронила свою папку с конспектами из ослабевших рук.

Проклятье. Мое собственное тренированное тело, кажется, решило в одностороннем порядке объявить моему разуму импичмент... И прямо сейчас, в коридоре, начать сепаратные переговоры о сдаче с этим опасным врагом за моей спиной.

— Что ж. Тогда будем искренне надеяться, глубокоуважаемая магистр Вейн, — очень тихо, почти интимно, с легкой хрипотцой в голосе произнес он, наклонившись к моему уху, — что в этом учебном году нам с вами обоим хватит выдержки дойти до конца. И я сейчас говорю не только о нашей профессиональной выдержке.

Он отстранился, коротко, по-военному кивнул мне на прощание и ушел в толпу, оставив после себя в воздухе терпкий, сводящий с ума мужской запах хорошей кожи, горького миндаля и стойкое, пульсирующее ощущение полной, неминуемой жизненной катастрофы.

Я стояла, прижав папку к груди, смотрела ему вслед на удаляющуюся широкую спину и с леденящей ясностью понимала: это будет не просто тяжелый, конкурентный учебный год. Это будет полномасштабная война на истощение. И самое страшное для меня сейчас заключалось вовсе не в том, что я объективно, по очкам могу проиграть ему этот грант на финансирование. Самое страшное заключалось в том, что мне уже сейчас было чертовски, до дрожи в коленях интересно узнать: как именно, какими методами он собирается меня побеждать и покорять.

А искренний интерес к врагу — штука смертельно опасная для независимой женщины. Этот интерес всегда приходит очень тихо, на мягких лапах, невинно садится рядом с тобой на диван и делает скучающий вид, будто он просто посмотрит со стороны. А потом в одно прекрасное утро ты вдруг с ужасом обнаруживаешь себя запертой в самом эпицентре бушующей бури, из которой для тебя уже просто не существует безопасного выхода.

Ну что ж, генерал Мистер. Жребий брошен. Добро пожаловать в мой персональный, медицинский ад. Я очень, очень искренне надеюсь, что вы догадались захватить с собой на эту войну хорошую, укомплектованную походную аптечку. Поверьте моему опыту, она вам ох как понадобится.

Глава 3. Очередь к катастрофе

Я всегда считала, что утро способно унизить человека множеством изощренных способов. Но утро первого дня записи на факультативы решило подойти к процессу с почти математической, расчетливой жестокостью.

Во-первых, я проспала. Во-вторых, академия с самого рассвета гудела, как перегруженный силовой контур. Наша цитадель магии, изолированная от внешнего мира высокими, глухими стенами с вековыми охранными глифами, всегда жила по своим суровым законам. За этими стенами могли бушевать политические бури и меняться эпохи, но здесь, внутри каменного мешка, пахло лишь магией, древней пылью и дисциплиной. Академия была жестокой кузницей, где из мягкой юношеской глины годами выковывали государственное оружие. И в день открытой записи на спецкурс эта кузница закономерно превращалась в шумный, неконтролируемый базар.

Когда я спустилась во внутренний двор, мой распределительный стол уже стоял на положенном месте. Я молча разложила на сукне рабочие инструменты, машинально проверяя их калибровку. Целительство — это не просто магия плоти и крови, это еще и сложнейшая, не прощающая ошибок артефакторика. Я достала диагностический кристалл и принялась править его медную основу тонким хирургическим резцом. Медицинские артефакты не терпят грубости: малейший сбой в стабилизирующей матрице, сплетенной из редких металлов и органических смол, и вместо мягкой остановки артериального кровотечения кристалл спровоцирует стремительный некроз окружающих тканей. Настройка требовала абсолютно холодной головы, идеального глазомера и ровного пульса.

Мой пульс был идеален. А вот настроение стремительно катилось в бездну.

На противоположном конце двора творилось форменное безумие. К столу магистра Мистера выстроилась очередь. Нет, это была не очередь — это был плотный, гудящий от энтузиазма митинг. Студенты жадно тянули шеи, словно там даром раздавали эликсир бессмертия и индульгенцию от всех грехов.

Арден Мистер стоял в центре этого хаоса, словно монолитная скала. Темный мундир без единой складки, ледяное спокойствие, ни единого лишнего жеста. Он сканировал толпу, как строгий полководец свежих рекрутов, визуально отсеивая слабых одним только холодным взглядом. Никакого женского восхищения с моей стороны не было и в помине. Только трезвый, сухой расчет: мой противник обладает тяжелой, подавляющей харизмой, которая застилает неокрепшим юным умам глаза.

— Удручающие цифры, магистр Вейн, — раздался рядом сухой, шелестящий голос.

Я оторвалась от ювелирной настройки кристалла. У моего стола стояла госпожа Веллер, старшая помощница секретариата Ученого совета. Прямая как палка спина, тугой узел седеющих волос и немигающий взгляд человека, привыкшего безэмоционально переводить живые человеческие судьбы в столбцы сухой канцелярской статистики. В её костлявых руках покоилась неизменная кожаная папка.

— Утро только началось, госпожа Веллер, — ровно ответила я, пряча резец в футляр. — Мой курс не рассчитан на восторженных любителей дешевых театральных эффектов.

Она перевела долгий взгляд на толпу, осаждающую Мистера, затем посмотрела на мои девственно чистые регистрационные списки.

— Вы всё ещё наивно верите в индивидуальный подход и «живую искру» в студентах, Мелисса, — в её голосе не было привычного чиновничьего яда, лишь тяжелая, железобетонная истина. — Но посмотрите на них. Это же чистый, неконтролируемый хаос. Они ведомы гормонами и иллюзиями. Магия, помноженная на юношескую непредсказуемость — это бомба замедленного действия под фундаментом нашего общества.

— Мы учим их контролировать эту бомбу. Учим думать на поле боя.

— Нет, — Веллер покачала головой, и на секунду её лицо утратило привычную маску, обнажив пугающую, холодную убежденность фанатика. — Вы учите их рисковать. Ваше так называемое полевое целительство строится на опасной импровизации в критический момент. Вы поощряете отход от протоколов. Я слишком долго работаю в этих стенах и видела слишком много посмертных рапортов о тех, кто решил побыть героем. Нашей академии, как и всему государству, нужен абсолютный порядок. Жесткая, выверенная до миллиметра система, работающая как швейцарские часы, где каждый отдельный маг — это лишь предсказуемая, легко заменяемая шестеренка. Магистр Мистер предлагает слепую дисциплину, стирающую эту вашу опасную индивидуальность. И я глубоко уважаю его армейский подход. Порядок спасает жизни, магистр Вейн. Даже если для этого приходится безжалостно ломать характеры.

Я посмотрела на неё совершенно по-новому. Передо мной стояла не просто скучная канцелярская крыса. Передо мной был человек, чья жестокость диктовалась искренним, извращенным желанием «спасти» этот мир через его тотальное, беспрекословное порабощение инструкциями. Она была бездушным механизмом, считающим себя благом.

— Порядок, построенный исключительно на слепом страхе и подавлении воли, с треском ломается при первом же реальном, нештатном кризисе, госпожа Веллер, — холодно, с медицинской точностью парировала я.

— Скоро мы это проверим на практике, — она сухо кивнула и пошла прочь, оставив после себя в воздухе запах сухой лаванды и ледяной, вполне осязаемой угрозы.

Я опустила глаза в свой журнал. Четыре человека. Мои дежурные студенты лаборанты, Лисетт и Нерис с перебинтованной рукой. Статистика, действительно, выглядела плачевно.

На двенадцатой минуте к моему столу нерешительно подошла худенькая, рыжая первокурсница-целительница в очках. Эва Лорн.

— Магистр Вейн... Можно к вам записаться?

— Если вы пришли за красивыми, героическими легендами и славой, то вам на другую половину двора, — сухим, профессиональным тоном сказала я, не пытаясь её обаять. — У меня на курсе вас ждет только настоящая кровь, грязь, отказ магического оборудования в полевых условиях, нехватка времени и крики боли.

Эва упрямо вздернула подбородок, поправляя очки.

— Боевиков всегда видно. Ими принято восхищаться. Но если их никто вовремя не соберет по кускам, их хваленый героизм бессмысленно закончится в первой же канаве. Я хочу учиться спасать тех, кто дерется, а не позировать с мечом.

Логика. Жесткая, практичная, взрослая логика.

— Добро пожаловать на борт, Эва. Заполняйте бланк.

Вскоре подошел Талберт, за ним еще человек. А затем к столу приблизился крепкий, хмурый парень с третьего курса боевого факультета. Торн. Я помнила его на базовом целительстве, которое я вела на военном факультете, он всегда держался особняком.

Он молча потянулся за бланком.

— Вы ошиблись столом, курсант, — я накрыла бланк ладонью. — Генерал Мистер набирает рекрутов вон там.

Торн поднял на меня тяжелый, не по годам взрослый взгляд.

— Я был на летней пограничной практике в Северной заставе, магистр. Мы попали в засаду. Мой напарник поймал отравленную стрелу в плечо. Мы знали, как держать строй и как махать мечами, но никто из нас не знал, как стабилизировать яд до прихода лекаря. Он умер у меня на руках за десять минут. Мне не нужна строевая подготовка генерала. Мне нужно знать, как не дать умереть следующему, кто встанет со мной спина к спине.

В его голосе не было ни капли юношеского пафоса. Только глухая, застарелая боль человека, который уже видел смерть слишком близко.

— Бланки перед вами, Торн, — тихо произнесла я, убирая руку. — Вы научитесь.

К полудню у меня была крошечная, но уже начавшая формировать свой костяк группа. Тень накрыла мой стол, загорюдив солнце. Я подняла глаза.

Арден Мистер стоял напротив меня, заложив руки за спину в классической военной стойке. Он не источал никакого мужского обаяния, он источал исключительно холодный, тактический расчет. Мы оценивали друг друга, как две вражеские армии перед неизбежным штурмом высоты.

— Восемь человек, — констатировал он, заглянув в мой открытый журнал.

— Вы умеете считать до десяти в уме без помощи своих адъютантов? Ваше личное дело в ректорате не лгало о ваших выдающихся аналитических талантах, генерал.

— Для вашего специфического, непопулярного курса это вполне логичный и закономерный результат, — спокойно ответил он, полностью проигнорировав мою издевку. — Вы берете качеством, а не количеством. Притягиваете тех, кто способен думать на шаг вперед, а не просто слепо бежать на врага с криком. Разумная, рабочая стратегия выживания.

Я прищурилась, ища в его словах скрытый подвох. Но его лицо оставалось непроницаемым. Никаких «искр», никаких теплых взглядов или затянувшихся пауз. Ни грамма симпатии.

— Мне совершенно не нужна ваша снисходительная аналитика моего курса, Мистер. Зачем вы подошли к моему столу?

Вместо ответа он достал из-за обшлага мундира сложенный вдвое лист плотной бумаги и ровным движением положил его на мой стол.

— Мой официально утвержденный график занятий на открытом полигоне, — его голос прозвучал ровно, без капли эмоций. — Передаю лично вам в руки, чтобы у вас было время наложить звукоизолирующие чары на свои операционные до того, как мои курсанты начнут, как вы вчера метко выразились, «орать во всю глотку».

Я посмотрела на бумагу, затем снова на него.

— Какая трогательная, истинно генеральская забота о чужих нервах.

— Обычный тактический расчет, магистр Вейн, — отрезал он. — Я предпочитаю работать в поле, а не тратить время на чтение ваших красочных жалоб ректору об испорченных стабилизациях и моем бабуиньем рыке. Занятия начинаются завтра.

— Искренне надеюсь, что до завтра вы научите их хотя бы не калечить друг друга на разминке, — сухо ответила я, отодвигая его график на край стола.

— Доброго дня, магистр Вейн.

Он развернулся с военной четкостью и ушел, чеканя шаг по брусчатке.

Никаких затяжных, интимных взглядов. Никаких двусмысленных намеков или скрытого флирта. Только чистый, выверенный прагматизм опытного хищника, который пришел на разведку боем, обозначил свои границы и вернулся на позиции.

Я проводила его ледяным, немигающим взглядом, аккуратно собирая со стола свои откалиброванные диагностические кристаллы. Никакой симпатии. Никакого зарождающегося уважения.

Только ясное, хирургически точное и беспощадное понимание: передо мной стоял очень опасный, системный и умный враг. И чтобы выжить в этой навязанной академической войне и сохранить свой факультет, мне придется действовать абсолютно безупречно. Без права на ошибку.

Глава 4. Разведка

Я всегда считала, что лучшее время для оценки противника — это момент, когда он думает, что за ним никто не наблюдает.

Малый восточный полигон, традиционно отданный боевикам, представлял собой унылое зрелище: выжженный магией песок, оплавленные каменные столбы и стойкий, неистребимый запах застарелого пота. Я стояла в тени арочной галереи второго этажа, скрестив руки на груди, и с холодным, профессиональным любопытством хирурга наблюдала за тем, как генерал Мистер ломает своих новобранцев.

Слово «ломает» подходило здесь лучше всего. К нему записалось человек сорок, но по регламенту он мог взять не больше двадцати. Здоровая, амбициозная толпа старшекурсников, которые пришли сюда за красивыми позами, эффектными выбросами магии и героической аурой.

От героической ауры Арден Мистер не оставил камня на камне ровно за первые двадцать минут. Он даже не позволил им зажечь боевые искры. Он заставил их держать базовые, тяжелые физические щиты из уплотненного воздуха и бегать по периметру полигона под градом мелких, жалящих заклинаний.

— Строй не ломать! — его низкий, ровный голос, лишенный малейшего надрыва, перекрывал грохот тренировочных снарядов без помощи усилителей. — Магия без физической выносливости — это просто красивый спецэффект перед вашей смертью. Щит выше, пятый слева! Вы защищаете ключицу или ловите бабочек?!

Я смотрела на него сверху вниз. В темной, пыльной форме, тяжело дыша и смахивая со лба едкую смесь пота и песка, он двигался между задыхающимися студентами, как опытный хищник среди неуклюжего стада. Он не был идеальной машиной, он тоже тратил силы, но его выносливость пугала. Он не учил их убивать. Он вбивал в их тела мышечную память выживания. Я, как медик, не могла не признать жестокую логику этого процесса: чем больше они потеют здесь, тем меньше крови мне придется выкачивать из их легких потом.

Но тут мой взгляд зацепился за того самого «пятого слева».

Студент, спотыкаясь, едва удерживал мерцающий силовой щит. Его кудрявые волосы слиплись от пота, форма перекосилась, а на лице было написано такое искреннее, неподдельное страдание, что его хотелось немедленно госпитализировать.

Я прищурилась, не веря своим глазам.

Кудрявые волосы. Несуразная грация. Это был Риен Талберт. Студент второго курса целительского факультета, у которого я лично, буквально вчера, вела практическую хирургию совместно с первым курсом.

Что, во имя всех темных богов, мой непутевый медик делал среди элитных боевиков генерала?!

Талберт в этот момент запнулся о собственный ботинок и с грохотом рухнул на песок, потеряв щит. Мистер оказался рядом с ним быстрее, чем студент успел глотнуть воздуха.

— Встать, курсант! — жестко отчеканил генерал, нависая над ним. — На поле боя ваша неуклюжесть убьет не только вас, но и идущего за вами напарника. Подъем! Десять штрафных кругов!

— Есть, магистр... — прохрипел Талберт, с крихтением отрываясь от песка.

Я отшатнулась в тень галереи и круто развернулась. Мне нужно было готовить собственную аудиторию. И к Талберту у меня теперь появились очень, очень серьезные вопросы.

Моя практическая лаборатория в подвальном ярусе медицинского крыла разительно отличалась от залитого солнцем полигона. Здесь царила стерильная прохлада, пахло формалином, горькими травами и антисептиком.

У меня на курсе не было сорока человек. Их было всего восемь.

Восемь студентов, которые не побоялись променять громкую славу боевиков на тяжелую, неблагодарную и кровавую работу.

Эва, мрачная и собранная. Миниатюрная Лисетт, староста с глазами отличницы. Бледный Нерис, чью обожженную руку я лечила. Хмурый и сосредоточенный Торн, он сидел чуть поодаль, и в его взгляде читался жесткий, реальный опыт, которого не было у остальных. Еще трое крепких ребят со старших курсов. И... Одно пустое место.

Дверь в лабораторию с грохотом распахнулась. На пороге, тяжело опираясь о косяк и задыхаясь так, словно у него терминальная стадия астмы, стоял Талберт. Его форма была насквозь мокрой и перепачканной песком, на скуле красовалась свежая ссадина, а руки мелко дрожали от перенапряжения.

— Разрешите... Разрешите приступить к занятиям, магистр Вейн... — просипел он, сползая по стене.

Аудитория замерла. Я медленно положила на стол хирургический зонд.

— Талберт, — с обманчивым спокойствием произнесла я, скрестив руки на груди. — Вы ничего не хотите мне объяснить? Я собственными глазами видела, как десять минут назад вы глотали песок на полигоне у магистра Мистера.

Студенты изумленно переглянулись. Эва округлила глаза.

— Ты... Ты записался на оба факультатива одновременно? — недоверчиво спросила Лисетт.

Талберт, шатаясь, прошел к свободному месту и рухнул на него.

— Именно так. Я решил, что мне необходимо... Расширить горизонты.

— Расширить горизонты? — я подошла к нему вплотную. — Талберт, боевая и полевая медицина — это самые ресурсоемкие дисциплины в академии. Вы физически не вытянете обе нагрузки. Вы умрете от истощения к концу месяца.

— Зато я умру всесторонне образованным человеком, магистр! — он попытался улыбнуться, но поморщился от боли в скуле. — Если серьезно, чтобы научиться быстро и качественно зашивать этих сумасшедших боевиков, мне нужно на собственной шкуре понимать, как именно они получают свои травмы. Я должен знать их тактику изнутри.

Логика в его словах присутствовала. Извращенная, самоубийственная, но логика. Я окинула его хмурым взглядом и отвернулась к столу.

— Если вы рухнете в обморок на моей паре, Талберт, я не буду вас лечить. Я заспиртую вас в колбе как наглядное пособие по идиотизму. К столам, все!

В центре лаборатории на стальных плитах лежали восемь тяжелых, дорогостоящих медицинских големов.

— Полевое целительство не имеет ничего общего с уютным лазаретом, — громко начала я, прохаживаясь между рядами. — В лазарете у вас есть свет, ассистенты, чистые бинты и время на долгую, вдумчивую диагностику. В поле у вас есть только грязь, паника, темнота и ровно три минуты до того, как ваш пациент истечет кровью или умрет от болевого шока.

Я щелкнула пальцами, пуская импульс в главный рубильник на стене. Мои пальцы слегка занемели от напряжения, поддерживать плотную иллюзию хаоса стоило мне немалой части резерва.

В лаборатории мгновенно погас основной свет. Включились тусклые, мигающие красные лампы аварийного освещения. Из скрытых динамиков ударил оглушающий, давящий на психику грохот взрывов и крики.

Студенты инстинктивно вздрогнули, закрывая уши.

— Големы запрограммированы на множественные осколочные ранения с повреждением крупных артерий! — перекрикивая шум, скомандовала я. — Магические контуры големов дестабилизированы! Если вы просто вольете в них сырую магию регенерации, искусственное сердце разорвет от давления! Вы должны сначала найти и заблокировать пробойну, выставить локальный стазис, и только потом шить! Время пошло!

Паника. Именно её я ожидала, и именно она наступила.

Нерис от страха влил слишком много энергии в грудную клетку своего голема, раздался громкий хлопок, и артефакт залил студента красной алхимической краской, сигнализируя о летальном исходе. Эва действовала лучше, её руки порхали над раной, но из-за грохота она не услышала щелчок внутреннего клапана.

Торн же работал молча и с пугающей методичностью. Его руки не дрожали, он единственный, кто казался в своей стихии, быстро перекрывая магистральные сосуды точными, короткими импульсами. От него так и веяло уверенностью и специями.

А Талберт... Талберт, чьи руки всё еще дрожали после физических издевательств Мистера, вместо сложного медицинского стазиса вдруг выставил над раной голема уплотненный воздушный щит, сжимая его до размеров жгута. Я едва не поперхнулась. Это был грязный, нестандартный прием боевиков, которому не учат на классической хирургии. Но искусственный пациент перестал терять кровь. Вот же пронырливый Талберт! Умница.

Я стояла у рубильника, с напряженным удовлетворением наблюдая за ошибками студентов. Они должны ошибаться здесь, на куклах, чтобы не убивать людей потом. Но методы Мистера, прокрававшиеся в мою аудиторию через Талберта, бесили меня невероятно.

Внезапно я почувствовала чужой, тяжелый взгляд. Повернув голову, я увидела высокую, темную фигуру, прислонившуюся к дверному косяку.

Арден Мистер стоял в дверях моей лаборатории. В мерцающем красном свете резкие тени подчеркивали усталость под его глазами после полигона, но стоял он неподвижно, внимательно наблюдая за тем адом, который я устроила своим студентам.

Я выждала положенные три минуты и опустила рубильник. Грохот стих. Включился яркий белый свет, заставив меня саму устало прикрыть глаза. Студенты, перепачканные красным красителем, тяжело дыша, стояли над своими големами. Выжили только четверо из восьми.

— Катастрофа, — сухо констатировала я, проходя вдоль рядов. — Нерис, ваш пациент только что взорвался у вас на столе из-за гиперстимуляции ядра. Эва, вы спасли артерию, но упустили скрытое внутреннее кровотечение в брюшной полости. Труп. Торн — кровоток перекрыт чисто, хотя шов грубый, заживать будет долго, но в полевых условиях пациент доживет до госпиталя. Талберт, несмотря на все ваши попытки убить пациента неосторожным тремором рук, вы проявили смекалку, и пациент выжил. Занятие окончено. На сегодня вы свободны. Смыть с себя позор и краску, завтра жду отчет по ошибкам.

Студенты, понутив головы, потянулись к выходу. Талберт, хромая, прошел мимо генерала, старательно пряча глаза.

Когда за последним учеником закрылась дверь, Мистер отделился от косяка и медленно подошел к моему столу.

— А у вас тут, я погляжу, тоже отнюдь не курорт с ромашковым чаем, магистр Вейн, — произнес он, оглядывая залитые красным операционные столы.

— Мы готовимся к реальности, генерал. В отличие от некоторых, я не считаю, что громкий крик способен остановить кровотечение.

— Вы намеренно вводите их в состояние глубокого когнитивного шока, — он взял в руки мой хирургический зонд, взвешивая его на ладони. — Громкий звук, дезориентация, мигающий свет. Жестко. Но эффективно.

В его голосе не было издевки. Это была сухая, профессиональная оценка. И она, как ни странно, раздражала меня еще больше. Я предпочла бы открытый спор, чем это холодное препарирование моих методов.

— Я польщена вашей экспертной оценкой, Мистер. Зачем вы пришли на мою территорию? Хотите убедиться, что я не проигрываю вам в популярности?

Он положил зонд обратно на стол. Точно на то же место, миллиметр в миллиметр. Педант.

— Я пришел уточнить один факт. Курсант Талберт. Вы в курсе, что это кудрявое недо-разумение каким-то чудом пролезло в списки обоих наших факультативов?

— Я узнала об этом полчаса назад. Когда он ввалился ко мне в лабораторию весь в вашей полигонной пыли и с признаками крайнего мышечного истощения.

Мистер чуть сузил глаза.

— Этот идиот сломается на первой же неделе. У меня на курсе он будет физически бесполезен, а у вас опасен, потому что его руки от усталости не смогут держать скальпель ровно. Его нужно отчислить с одного из направлений немедленно.

— Согласна, — кивнула я. — Так что будьте так добры, магистр, вычеркните его из своих списков. Моему целительскому факультету он нужнее живым и с работающей мелкой моторикой.

— Исключено, — отрезал генерал. — Он подписал контракт на боевую подготовку. Я не отчисляю курсантов, пока они сами не попросят пощады или не упадут без сознания. Это ломает дисциплину.

— Какая восхитительная, примитивная армейская гордость! — я скрестила руки на груди, подаваясь вперед. — Значит, вы принципиально загоните парня до полусмерти просто ради своих амбиций?

Мы стояли по разные стороны металлического операционного стола, разделенные лужами искусственной крови. В воздухе искрило от напряжения. Никакой симпатии. Никакого внезапного притяжения. Только два упрямых, жестких профессионала, каждый из которых свято верил в свою правоту.

— Если он умрет от истощения на моем полигоне, Вейн, — пугающе спокойным голосом ответил Мистер, не отводя взгляда, — значит, он был недостаточно крепок для этой работы.

— Если он умрет на вашем полигоне, Мистер, — прошипела я в ответ, — я лично реанимирую его, вытащу с того света, а потом убью его собственными руками за то, что он испортил мне статистику успеваемости на курсе.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка, скорее признание того, что удар достиг цели.

— Значит, мы его не отчисляем, — констатировал он. — Посмотрим, у кого из нас он сломается первым. Двойная нагрузка.

— Садист, — процедила я.

— Прагматик, — парировал он. — До завтра, магистр Вейн.

Он развернулся и вышел, оставив меня в пустой, пропахшей формалином лаборатории.

Я постояла у стола несколько секунд, гася в себе остатки раздражения, а затем направилась к выходу. Студентов в коридоре уже не было, только высокая фигура генерала маячила вдали у лестничного пролета. И там же, привалившись к стене, стоял Талберт. Из-за дрожащих от перенапряжения рук он никак не мог совладать с развязавшимся шнурком и сбившимся бинтом на растянутом запястье.

Я замерла, не выходя из дверного проема.

Мистер поравнялся с парнем. Я ожидала очередного рыка или едкого замечания о неуставном виде, но вместо этого генерал остановился. Он молча перехватил дрожащую руку Талберта, и двумя быстрыми, жесткими, но невероятно точными движениями туго перетянул повязку, надежно зафиксировав сустав.

Талберт тихо охнул, рефлекторно выпрямляя ссутуленную спину. Арден даже не посмотрел ему в глаза. Он просто опустился на одно колено и за две секунды стянул и завязал непослушный шнурок на ботинке студента в крепкий армейский узел.

— Дыши глубже, курсант. И не сутулься, — бросил генерал, поднимаясь. И тут же ушел вниз по лестнице, больше не проронив ни слова.

— Ломает дисциплину, — прошептала я, чувствуя, как внутри ворохнулось странное, непрошеное чувство. — Прагматик.

Я смотрела на пустой коридор и понимала, что эта война за финансирование только что вышла на совершенно новый, личный уровень. И этот дурак Талберт, сам того не понимая, только что стал первой пешкой, вокруг которой мы с генералом начали свою жесткую, бескомпромиссную шахматную партию.

Я, как медик, не могла не признать: он загоняет их до полусмерти здесь, чтобы они не умерли там. Но вслух я этого, конечно, не скажу.

Кто знал, что идиоты, подобные Талберту, начнут множиться с геометрической прогрессией.

Главы 5. Осадная ботаника и иллюзии хаоса

Первые два месяца нашего «эксперимента на выживание» превратили старинную академию в пороховую бочку.

Бюджет, выделенный ректоратом на наши факультативы, оказался настолько мизерным, что нам приходилось с боем вырывать каждую новую колбу, каждый час работы на тренировочных площадках и каждый квадратный метр свободного пространства. Если первые недели студенты просто косились друг на друга в столовой, то к концу первого месяца территория кампуса была негласно поделена на зоны влияния в условиях жесткого дефицита ресурсов. Боевики заняли западное крыло и уцелевшие силовые полигоны, медики окопались в восточном, вокруг лазаретов и алхимических лабораторий. Пересечение этих зон неизбежно заканчивалось локальными катастрофами за право первыми занять нужную аудиторию.

Очередной такой инцидент произошел в середине октября, когда осенняя слякоть загнала всех под крышу.

Я стояла в центральной оранжерее академии: огромном стеклянном куполе, где воздух всегда был влажным, тяжелым и пах прелой землей и пряными травами. Сегодня у первокурсников была практика по извлечению эфирного сока из корней Теневой Мандрагоры. Процесс требовал такой тишины и ювелирной концентрации, что студенты даже дышали через раз.

Эва, высунув от усердия кончик языка, зависла над горшком с растением. На кончиках ее пальцев пульсировали тончайшие, как хирургическая нить, салатные лучи магии. Она почти нащупала корневой узел...

БУМ!

Стеклянные своды оранжереи жалобно зазвенели. Пол под ногами ощутимо содрогнулся. Мандрагора в горшке Эвы испуганно пискнула, корни резко дернулись, и салатная нить магии лопнула. Драгоценный эфирный сок брызнул во все стороны, залил Эве очки и фартук густой, воняющей серой жижей.

— Да чтоб вас всех перекосило! — взвyla отличница, в сердцах срывая залитые очки.

БУМ! Второй удар был еще сильнее. С верхних стеллажей посыпалась земля.

Я медленно, очень медленно положила свой пинцет на стол. Моя челюсть сжалась так, что скрипнули зубы. Мне не нужно было проводить расследование, чтобы понять, откуда исходит эта сейсмическая активность. Оранжерея примыкала к глухой каменной стене Малого внутреннего полигона.

— Всем оставаться на местах. Залить корни парализующим раствором, — с пугающим, звенящим спокойствием скомандовала я, методично стягивая перчатки. — Я пойду и лично сделаю трепанацию одному очень шумному соседу без наркоза.

Я вылетела из оранжереи в осеннюю промозглость внутреннего двора.

Картина, открывшаяся мне, была достойна батального полотна. Арден Мистер выстроил своих боевиков в шеренгу. Огромный Брам стоял впереди, уперев ноги в грязь, и по команде генерала посылал тяжелые, концентрированные ступки кинетической магии прямо в защитный барьер, выставленный вдоль каменной стены.

Барьер держал удар, но кинетическая волна уходила в землю, сотрясая хрупкий фундамент нашей оранжереи.

— Магистр Мистер! — мой голос хлестнул по полигону громче любого заклинания.

Арден обернулся. Он был в легкой черной куртке, небрежно накинутой на плечи. Ветер трепал его темные волосы с проседью на висках. Под глазами залегли тени от хронического недосыпа, он гонял студентов на износ, но и сам работал на пределе. За эти недели я выучила каждое выражение его лица, и сейчас на нем читалась смесь тяжелой усталости и легкого, раздражающего меня предвкушения.

— Отставить огонь, — бросил он студентам, не сводя с меня глаз. — Доброе утро, магистр Вейн. Вы сегодня покинули свои стерильные пещеры раньше обычного.

— Я покину их навсегда, если вы немедленно не прекратите устраивать локальные землетрясения в пяти метрах от моих лабораторий! — я подошла к нему вплотную, не обращая внимания на лужи, брызгающие на подол мантии. — Ваши дуболомы только что сорвали мне сложнейшую экстракцию! У Теневой Мандрагоры стресс от ваших взрывов! А у меня, к слову, нет бюджета на закупку новых саженцев!

Брам за спиной генерала громко фыркнул.

— У травмы стресс, надо же. А у нас тут прорыв силового контура отрабатывается, магистр.

— Курсант Брам, еще один звук, и я впишу в вашу медицинскую карту хроническое недержание, так что вас не возьмут ни в один боевой патруль, — не глядя на студента, процедила я. Брам мгновенно и испуганно заткнулся.

Я снова перевела горящий взгляд на Ардена.

— Уводите своих людей на дальний полигон.

— Дальний полигон размыло дождем, а ректорат отказался выделить средства на дренаж, — упрямо ответил Арден. Он заложил руки за спину и чуть склонил голову. — А эта стена имеет лучший отражающий контур из оставшихся. Моим людям нужно учиться бить в полную силу, не боясь отдачи. Министерство дышит нам в затылок со своими стандартами, Мелисса. Если они не научатся держать удар сейчас, комиссия спишет их как брак. Война не будет ждать, пока ваши цветочки успокоятся.

— Если у меня не будет этих «цветочков», — я шагнула еще ближе, так что наши ауры буквально столкнулись в сыром воздухе, — ваши солдаты будут сдыхать от банального сепсиса прямо на руках у своих товарищей. Перенесите занятие!

— И не подумаю. Мой курс в приоритете по боевому расписанию.

Пространство между нами сжалось до предела. От него пахло дождем и едким озоном от магических разрядов. Я видела, как напряглись мышцы на его шее под воротником рубашки. Мы уперлись друг в друга, как два барана на узком мосту.

В этот момент двери оранжереи с треском распахнулись, и на улицу вывалились мои студенты во главе с перепачканной, воняющей серой Эвой.

— Магистр Вейн! У нас три горшка разбилось! — крикнула она, а затем, зло прищурившись, уставилась на Брама. — Это ты землю трясеешь, слонопотам?!

— А ты мне что сделаешь, травница? Настойкой валерьянки брызнешь? — оскалился Брам, поигрывая мышцами.

— Я заменю твой регенерирующий эликсир на мощное слабительное перед экзаменом, — с пугающим профессиональным спокойствием пообещала Эва. — Будешь прорывать силовые контуры, не сходя с горшка.

Боевики возмущенно загомонили, над полигоном начали вспыхивать искры стихийной магии. Иара выхватила тренировочный кинжал, мои медики инстинктивно вскинули руки, формируя щиты-парализаторы. Еще секунда, и начнется полномасштабная студенческая драка за территорию.

— Молчать! — рявкнул Арден так, что стекла в оранжерее зазвенели снова.

Студенты замерли. Генерал тяжело вздохнул, потеряв переносицу и не сводя с меня глаз. В его взгляде читалась усталая покорность неизбежному хаосу.

— Корс, Брам. Свернуть барьеры. Мы переходим в западное крыло. Бегом.

Боевики разочарованно заворчали, но спорить с командиром не решились. Когда они начали собирать инвентарь, Арден наклонился ко мне.

— Вы выиграли этот раунд только потому, что я не хочу, чтобы мои люди дышали ядовитыми парами из ваших разбитых горшков, Мелисса.

— Оправдывайтесь, как хотите, Арден, — я победно вскинула подбородок, игнорируя предательскую дрожь от того, как близко прозвучал его низкий голос. — Главное, что вы отступаете с моей земли.

— Я не отступаю. Я перегруппировываюсь, — он позволил себе легкую, почти незаметную усмешку, от которой у меня перехватило дыхание. — И на вашем месте я бы не расслаблялся. В пятницу мы делим Зал Иллюзий, потому что второй проектор в академии окончательно сгорел, а чинить его некому. Посмотрим, чья возьмет там.

Он развернулся и чеканным шагом ушел вслед за своим отрядом. Я осталась стоять под холодным осенним дождем, чувствуя, как горят щеки от злости, и с горечью понимая, что эта война за ресурсы выматывает меня гораздо больше, чем я готова признать.

Если инцидент с теплицами был искрой, то пятничная дележка Великого Зала Иллюзий стала настоящим взрывом.

Этот зал использовался для создания гиперреалистичных фантомов: от стонущих раненых, до огнедышащих химер. Ректорат, пытаясь сэкономить на амортизации кристаллов, просто начал ставить две группы в одно расписание, надеясь, что мы как-нибудь разберемся.

Я привела своих студентов ровно в девять утра. Зал, огромный и круглый, как античный амфитеатр, был выложен черным мрамором, под которым гудели жилы проекционной магии. И ровно с противоположной стороны в зал вошел генерал Мистер со своим взводом.

Мы остановились в центре, как две армии перед финальной битвой.

— Я забронировала этот зал месяц назад, — процедила я, скрестив руки на груди. — У нас симуляция масштабной эпидемии в полевом лагере. Мне нужна вся площадь для развертывания карантинных зон.

— А мне нужна вся площадь для симуляции ночного прорыва теневого ассасина, — упрямо парировал Арден, останавливаясь в двух шагах от меня. — Моя заявка подписана лично заместителем ректора.

Я выхватила свой пергамент, он свой. Оба бланка были настоящими. Бюрократическая подставка чистой воды и катастрофическая нехватка оборудования во всей ее красе.

— Я не уйду, — твердо сказала я.

— Я тоже, — его глаза сузились.

Студенты за нашими спинами напряглись. Эва и Иара уже буквально метали друг в друга молнии взглядами. Талберт, чувствуя неладное, попытался незаметно слиться с колонной и сделать вид, что он вообще просто мимо проходил.

— Прекрасно, — я нервно улыбнулась. — Зал огромный. Мы делим его пополам. Вы играете в своих ассасинах на левой половине, мы лечим иллюзорную чуму на правой. И пусть победит тот, чьи нервы крепче.

— Принято, — кивнул Арден, разворачиваясь к своим. — Активировать проекторы! Уровень угрозы — красный.

То, что последовало за этим, не поддавалось никакому логическому описанию. Проекционная магия зала, получив сразу две противоречивые и чрезмерно мощные вводные, начала сбивать.

На моей половине из пола выросли ряды коек с иллюзорными, страшно стонущими солдатами, покрытыми язвами. Мои студенты бросились к ним с бинтами и сканирующими артефактами. На половине Ардена из теней вырвались черные фантомы с кинжалами. Боевики с ревом бросились в атаку, формируя щиты и мечи из чистого эфира.

Но через десять минут хрупкие границы симуляций рухнули. Системы перемешались.

— Магистр Вейн! — в панике закричала Лисетт. — Мой больной только что достал кинжал и попытался отрезать мне ухо!

Я обернулась и опешила: иллюзорный больной с чумой действительно отрастил черные щупальца ассасина и теперь гонялся за моей завизжавшей целительницей вокруг больничной койки.

На другой стороне зала Брам с рыком обрушил свой щит на теневого убийцу, но иллюзия вдруг мигнула, превратилась в фантомную беременную женщину с переломом, которая жалобно застонала. Брам от неожиданности выронил щит, побледнел как мел и заорал благим матом:

— Магистр Мистер! Я её убил?! Женщину убил?!

— Это иллюзия, идиот, бей! — рявкнул Арден, сам едва успевая отбивать настоящего проекционного монстра.

Хаос полностью поглотил зал. Боевики боялись бить в полную силу, потому что тени постоянно маскировались под тяжелораненых из моей симуляции. А мои медики в панике накладывали мощнейшие исцеляющие заклинания на ассасинов, отчего те становились только быстрее и сильнее.

Корс, отступая от трех теневых фантомов, случайно пересек невидимую границу и рухнул прямо на развернутый карантинный барьер Эвы. Барьер, настроенный на агрессивную очистку от чумы, мгновенно вспыхнул, окатив Корса ледяной антисептической пеной с ног до головы.

Боевик замер, моргая сквозь белую, шипящую шапку пены на лице, и медленно повернулся к Эве.

— Зато теперь ты абсолютно стерилен, — нервно пискнула она, пытаясь к стене.

Я пыталась пробиться сквозь толпу к главному пульту управления, чтобы экстренно отключить симуляцию, но зал трясло. Воздух гудел от переизбытка неконтролируемой, сырой магии.

И тут один из боевиков-первокурсников окончательно запаниковал. Вместо точечного, направленного удара он с перепугу выпустил стихийную волну неконтролируемого огня. Ревущая стена пламени покатила прямо на меня и группу моих медиков, склонившихся над аппаратурой.

Я инстинктивно вскинула руки, начав плести спасательный стазис-щит, но с ужасом понимала, что он не удержит чистую стихию боевика такой плотности. Нам конец.

Вдруг пространство сбоку резко исказилось. Мощная рука схватила меня за талию и с нечеловеческой силой рванула в сторону. Я охнула, впечатываясь во что-то твердое, горячее и пахнущее кожей.

Арден. Он закрыл меня собой, выставив вперед свободную руку. Из его ладони с надсадным гулом вырвался каменный заслон. Огненная волна с грохотом ударила о него. Камень раскалился докрасна, по щиту мгновенно побежала сеть глубоких трещин. Арден глухо, сквозь стиснутые зубы зарычал от напряжения — удерживать чистую стихию голыми руками стоило ему огромных усилий. Пламя лизнуло края наших мантий, опалив ткань.

Мы стояли вплотную друг к другу. Мое лицо было прижато к его груди, я слышала, как гулко, быстро и неровно бьется его сердце. Его рука всё еще крепко, почти до синяков, сжимала мою талию, словно он боялся, что я исчезну в этом пламени.

В этот момент в зале наконец-то не выдержали и перегорели предохранители. Аварийная защита сработала с громким шипением, и все иллюзии с громким хлопком растворились в воздухе, оставив после себя лишь едкий запах горелого мрамора.

Свет вспыхнул на полную мощность. Наступила звенящая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием полусотни перепуганных студентов. Брам сидел на полу, обхватив голову

руками и всё еще переживая фантомное убийство женщины. Корс уныло стряхивал с себя мыльную антисептическую пену. Нерис тихо причитал где-то в углу.

Я медленно подняла голову. Арден смотрел на меня сверху вниз. На его виске блестели капли пота от перенапряжения, а в серых глазах плескалась тревога, смешанная с таким неприкрытым, темным мужским притяжением, что у меня мгновенно пересохло в горле. Он был живым, уставшим и невероятно близким.

Он тяжело сглотнул, и его пальцы на моей талии дрогнули, прежде чем медленно разжаться. Он отстранился на полшага, но этот короткий шаг дался нам обоим с физическим трудом.

— Вы целы, Мелисса? — его голос прозвучал ниже обычного, с легкой хрипотцой.

— Да, — я попыталась одернуть обгоревшую мантию, чтобы скрыть дрожь в руках. — Вы... Щит треснул. Спасибо, Арден.

Он повернулся к студентам. Его лицо снова стало непроницаемой маской полковника.

— Построиться! Живо! — рявкнул он.

Обе группы, забыв о своей вражде, синхронно и жалко сбились в одну грязную, перепуганную кучу в центре зала.

Я подошла и встала рядом с ним, с горечью обводя взглядом разрушенный зал, разбитые дорогостоящие кристаллы проекторов и выжженный пол.

— За ремонт этого зала ректорат спишет остатки нашего и без того смешного совместного гранта, — тихо произнесла я.

— Мы потеряли не только деньги, Мелисса, — так же тихо, напряженно ответил Арден. Он не смотрел на разрушения. Он неотрывно смотрел на наших учеников. — Посмотрите на них.

Боевики жались в одну сторону, медики — в другую. Они смотрели друг на друга с искренним, первобытным страхом и непониманием.

— Два месяца нашей войны за ресурсы привели к тому, что они не просто не могут работать вместе. Они стали смертельно опасны друг для друга на одном поле, — голос Ардена звучал глухо и зло. — Знаете, в чем проблема? Веллер права. Хаос убивает. Если они выйдут в таком состоянии за стены академии, они перебьют друг друга быстрее, чем это сделает враг.

Я зажмурилась. Это была жестокая, абсолютная правда. Моя профессиональная гордость и его генеральское упрямство, помноженные на скупость администрации, привели нас к локальной катастрофе.

— Согласна.

Он не посмотрел на меня, но его рука в обгоревшей кожаной перчатке на секунду накрыла мою ледяную ладонь. Жест был мимолетным, скрытым от глаз студентов, но от него повеяло неожиданной, спасительной надеждой.

— Значит, нам придется перестать делить территорию, доктор Вейн, — произнес он, и в этом не было ни вызова, ни насмешки. Только суровое признание факта и предложение союза. — Иначе в этой глупой административной игре мы с вами оба проиграем самое главное — их жизни.

Вечером того же дня, когда звон в ушах от рухнувших иллюзий наконец-то утих, а последствия катастрофы были залиты ведром успокаивающего мятного чая, я сидела в своих комнатах, пытаюсь собрать мысли в кучу.

Мое жилье в восточном крыле было верным отражением моей жизни: стерильный порядок, граничащий с одержимостью, и внезапные островки уютного хаоса. Стены гостиной были заставлены тяжелыми стеллажами, где медицинские трактаты в кожаных переплетах мирно

сосуществовали с банками, в которых в спирте плавали диковинные органы магических существ. В воздухе всегда витал едва уловимый шлейф антисептика, сушеной полыни и дорогого черного чая. Единственным «непрофессиональным» местом было глубокое кресло у окна, заваленное мягкими подушками — мой личный наблюдательный пункт с видом на центральный стадион.

В дверь постучали, характерная, переливающаяся дробь, которую невозможно было спутать ни с чем.

— Входи, Клара, — выдохнула я, не оборачиваясь.

На пороге появилась Клара, преподавательница бытовых чар, обладательница самых легкомысленных кудрей в академии и моя единственная близкая подруга в этой обители сурового тестостерона и строгих армейских правил. В руках она торжественно несла блюдо с засахаренными фруктами. Она была моим полным антиподом: пышные рыжие волосы, которые не могла обуздать ни одна шпилька, яркие платья, нарушающие все каноны академической моды, и смех, способный оживить даже каменную горгулью.

Мы стали подругами четыре года назад, во время повального зимнего гриппа, когда половина академии слегла с тяжелой лихорадкой. Клара тогда в одиночку заколдовала три сотни одеял, чтобы они грели пациентов, а я в это время чуть не сошла с ума, пытаясь сварить литры сбивающего жар отвара. Мы встретились в три часа ночи в пустой столовой, обессиленные и злые на весь мир, разделили на двоих бутылку контрабандного вина и поняли: в этом мужском монастыре под названием «Военная академия» мы либо сойдем с ума в одиночку, либо выживем вместе. С тех пор я для нее была «Мисси» в те редкие моменты, когда снимала мантию, и ироничной «Мисс», когда пыталась строить из себя неприступную скалу.

— Ну рассказывай, Мисси, — Клара по-хозяйски пристроилась на широком подоконнике, выставив блюдо с фруктами как приманку. Ее глаза горели тем самым нездоровым, хищным блеском, который появляется у женщин, почуявших свежую драму. — Вся академия только об этом и гудит. Говорят, сегодня в Зале Иллюзий наш каменный генерал бросился грудью на амбразуру, чтобы спасти тебя от огня. Схватил за талию, прижал к себе... Ну же, не молчи!

Я почувствовала, как к щекам приливает жар. «Мисс» внутри меня требовала немедленно призвать подругу к порядку, но «Мисси» — та самая уставшая женщина, чье тело до сих пор помнило твердость рук генерала и его сбившееся дыхание — предательски молчала. Я не поддавалась на провокацию и осталась сидеть в своем любимом кресле с чашкой чая.

— Клара, умоляю. Он просто спасал казенное имущество и старшего преподавателя, чтобы ему потом не пришлось писать тонну объяснительных в ректорат, — я попыталась сделать невозмутимый глоток чая, но рука чуть дрогнула, выдав меня с головой.

— Ой, да брось, Мисс! — Клара картинно закатила глаза к потолку. — Весь кампус знает, что он смотрел на тебя так, будто ты — единственное живое существо в этом бетонном склепе. И знаешь, я его не виню. Ты красotka! Впрочем, и он завидный жених с такой-то шириной плеч... Ты вообще видела, как сидит на нем форма? Кажется, пуговицы на груди держатся исключительно на честном слове и его железной воле. А выносливость? Он сегодня три часа гонял боевиков, а потом еще держал стихийный щит голыми руками и таскал тебя на руках.

— Он меня на руках не таскал! — возмутилась я, уцепившись за последнюю соломинку.

— Но мог бы! И, судя по слухам, очень хотел, — хихикнула подруга, подаваясь вперед и утаскивая с блюда засахаренную вишню.

Я закатила глаза, хотя предательский румянец всё-таки мазнул по щекам, стоило мне вспомнить жар его руки на моей талии и то, как колотилось его сердце под плотной тканью формы.

— Клара, мы с ним на тропе войны. Он мой конкурент, а не объект для воздыханий.

— Расскажи это остальной женской половине нашего педсостава, — фыркнула подруга. — Ты в курсе, Мисси, что мадам Роз из библиотеки уже третью неделю печет ему кексик с ванилью? А эти пигалицы-лаборантки с кафедры алхимии? Они же дежурят у плаца с кувшинами ледяной воды, надеясь, что он хотя бы посмотрит в их сторону. Но они все дилетантки. Они не знают самого главного.

— И чего же они не знают? — я против воли придвинулась ближе, ненавидя свое женское любопытство.

— Того, что вижу я из окна своей спальни, — Клара победно улыбнулась. — Знаешь ли ты, Мисс Магистр, как наш суровый вояка начинает свое утро? — Клара выдержала идеальную театральную паузу. — Ровно в пять тридцать утра. На малом стадионе. В одних только свободных, тонких тренировочных штанах. Босиком по росе. И абсолютно без рубашки!

Я моргнула, и в голове сама собой нарисовалась слишком четкая, непрошенная картинка: рассветное солнце, капли пота на рельефной спине Ардена и холодный блеск стали.

— Он делает свой армейский комплекс с мечом, — с придыханием продолжила подруга, размахивая руками для убедительности. — И знаешь, что самое смешное? Окна восточного крыла преподавательского общежития выходят как раз на этот стадион. Так вот, Мисси, чтобы ты понимала масштабы бедствия: на рассвете все подоконники в нашем крыле заняты. Мы там с девочками сидим как в партере столичного театра. Кто с биноклем, кто просто с кофе. Это лучшее утреннее шоу во всей академии!

Я закрыла лицо руками, пытаясь подавить рвущийся наружу нервный смешок.

— Боги, Клара... Вы же взрослые, солидные женщины с учеными степенями! Вы подглядываете за раздетым мужчиной!

— Мы не подглядываем, мы проводим независимое визуальное исследование физиологии героя королевства, — ничуть не смутилась подруга, вставая и отряхивая юбку от сахарных крошек. — И я тебе как исследователь исследователю говорю: тебе стоит завести будильник на пять утра и попробовать самой, Мисс. Поверь, после этого зрелища твоя лютая ненависть к генералу заиграет совершенно новыми, крайне интригующими красками!

Когда Клара ушла, оставив после себя аромат фруктов и настоящую бурю в моей душе, я медленно подошла к окну. Стадион внизу тонул в густых вечерних сумерках, но я поймала себя на том, что задумчиво прикидываю, где именно здесь встает солнце.

Кажется, завтрашнее утро обещало быть очень познавательным с точки зрения мужской физиологии.

Глава 6. Иллюзия контроля и интриги ректора

Наш многоуважаемый ректор был человеком, чья административная гениальность всегда балансировала на тонкой, опасной грани между блестящей многоходовкой и должностным преступлением.

Когда спустя всего два месяца после начала семестра в расписании внезапно появилась обязательная совместная тренировка боевого и медицинского факультативов, я поначалу решила, что это банальная канцелярская ошибка. Прошло всего ничего! Студенты еще даже не выучили базовые протоколы внутри своих собственных групп, они едва запомнили, где лежат бинты и тренировочные мечи, а нас уже, без всякой подготовки, бросают в общий котел. Это противоречило любой педагогической логике.

Но потом ректор вызвал нас с генералом Мистером в свой кабинет на короткий инструктаж, и всё встало на свои циничные, расчетливые места.

Наша академия не существовала в независимом вакууме. Бюджеты, гранты и квоты напрямую зависели от Военного Министерства. А там, в столичных кабинетах, в последнее время завелась смертоносная мода на «оптимизацию кадров». Чиновникам вдруг понадобились универсальные солдаты. Им больше не нужны были узкопрофильные, дорогие специалисты, им нужно было дешевое, взаимозаменяемое мясо, способное и силовой щит держать, и рану напарнику наспех перетянуть.

Наш старик-ректор шкурой чуял: если мы прямо сейчас не покажем министерству идеально работающую связку двух независимых направлений, чиновники просто закроют обе наши кафедры за нерентабельностью и насильно введут свой усредненный, мертвый армейский стандарт.

— За вами с верхнего балкона полигона будет пристально наблюдать госпожа Веллер, старший аудитор от министерства, — ласково пояснил ректор, глядя на нас поверх очков-половинок. — Она приехала специально, чтобы искать наши слабые места. Вы должны продемонстрировать ей, что боевики и целители способны эффективно интегрироваться в полевых условиях. Покажите мне результат, магистры.

Он лгал, как дышал. Он вовсе не ждал от нас красивой интеграции после всего двух месяцев раздельной подготовки. Этот старый интриган хладнокровно бросил нас под катапульты бюрократии. Он слил два совершенно несовместимых, не сработавшихся коллектива в одну стеклянную пробирку, щедро залил катализатором и теперь просто ждал контролируемого взрыва прямо на глазах у министерской проверки.

Ему нужен был наш показательный провал. Чтобы потом, на Ученом совете, с цифрами в руках заявить: слияние невозможно, требуются раздельные бюджеты, а выбить их пока не вышло. Мы с генералом были для него просто удобными фигурами на доске.

Я прекрасно это понимала. И, судя по ледяному, непроницаемому лицу Ардена Мистера, когда мы вышли из кабинета, он тоже просчитал эту схему до последнего хода. Но мы не сказали друг другу в коридоре ни слова. Мы оба были тертыми профессионалами, которых начальство жестко поставило перед фактом, и каждый собирался выжать из этого фарса максимум пользы для своих студентов.

Послеобеденное солнце безжалостно плавilo каменную крошку малого восточного полигона. Эта часть академии никогда не предназначалась для парадных смотров. Здесь не было резных трибун с бархатными подушками для гостей. Только высокие закопченные стены,

покрытые слоем поглощающих рун, перепаханный взрывами песок и неистребимый кислый запах чего-то жженого. Настоящая суровая кузница.

Я пришла за полчаса до начала. Мне нужно было лично, своими руками подготовить сложный инвентарь.

Мои студенты: Эва, Лисетт, бледный Нерис, Торн и еще трое ребят сосредоточенно распаковывали тренировочные манекены. Это были не просто набитые опилками мешки. Это были баснословно дорогие артефакторные големы медицинской кафедры, известные в узких кругах как Патрики. Когда-то в моей практике был студент Патрик Свенсен, и он по бледности и телосложению жутко походил на эти искусственные кадастры. Вот и прицепилось имя.

Под их полимерной кожей пульсировала тончайшая сеть медных капилляров, под завязку заполненных красным алхимическим маркером. В грудную клетку каждого была впаяна сложная пьезокристаллическая матрица, которая считывала правильность наложенных лечебных плетений и имитировала шок, выдавая противные звуковые сигналы при малейшей врачебной ошибке.

Я низко склонилась над одним из големов, ювелирно подкручивая хирургическим зондом медный клапан сброса давления в его шейном узле. Тонкая медицинская артефакторика категорически не терпела суеты: если эфирное давление внутри куклы не стабилизировать вовремя, дорогостоящая матрица перегорит к чертям.

— Внутреннее давление в норме, кровоток выставлен на критический уровень проникающего ранения, — констатировала я, выпрямляясь и вытирая испачканные руки. — Слушать мою команду внимательно. Как только начнется симуляция, ваша первоочередная задача — не лезть на рожон под силовые щиты боевиков! Оцениваете обстановку, ищите укрытия. Фиксируете разрыв тканей, ставите локальный антисептический барьер и немедленно эвакуируете тело из зоны поражения. На всё про всё у вас ровно три минуты. Дальше наступает необратимый некроз магического ядра голема, и вы получаете труп. Вопросы есть?

— А если боевики магистра Мистера будут путаться у нас под ногами и мешать? — хмуро спросила Эва, проверяя ремни на сумке с бинтами.

— Боевики, Эва — это такая же агрессивная, неконтролируемая внешняя среда, как летящие осколки шрапнели, обвал камней или вражеский перекрестный огонь. Вы обязаны уметь работать в условиях жестких помех.

Тяжелые кованые ворота полигона с лязгом распахнулись. Генерал Мистер ввел свою группу. Двадцать крепких старшекурсников вошли ровным строем, чеканя шаг по песку. Впереди шли насупленная Иара и огромный Брам с тяжелыми ростовыми щитами за спиной, замыкал шеренгу кудрявое недоразумение Талберт. Это те, которых я знала. Остальные были лишь лицами, виденными ранее. Наверняка генерал выбрал лучших, ведь на факультете у него числилось гораздо больше учеников.

Во главе шеренги шел сам Мистер. Темная, наглухо застегнутая форма, ни эмоции на строгом лице, холодный, сканирующий всё вокруг взгляд. Я смотрела на него, стоя у своих кукол, и не чувствовала никакой женской симпатии. Мой мозг работал исключительно в режиме ледяного расчета. Передо мной стоял фанатик армейской дисциплины, который пришел на мою территорию, чтобы перекроить наш мир под свой жесткий устав.

— Магистр Вейн, — он остановился ровно в трех шагах от меня. Голос звучал отстраненно и четко. — Ваша площадка готова?

— Моя часть работы выполнена, генерал, — в тон ему, с прохладцей ответила я. — Големы откалиброваны на тяжелые проникающие ранения. Искренне надеюсь, что вы не планируете сегодня использовать против хрупкого медицинского оборудования боевые заклинания полного расщепления материи? Государственный бюджет не одобрит ваших широких армейских замашек.

— Мы будем использовать только стандартные артефакты пульс-мины для создания атмосферы боя, — спокойно ответил он, извлекая из подсумка латунную сферу, густо испещренную подавляющими рунами.

Я прищурилась, узнавая предмет. Очень серьезная игрушка. Внутри этой сферы находился нестабильный кварцевый сердечник. При детонации она не разрывала живую плоть, но выдавала мощнейшую контузящую волну и полностью схлопывала любые тонкие магические щиты в радиусе пяти метров. Оглушает знатно.

— Внимание, условия симуляции! — громко скомандовал Мистер. — В центре сектора находятся четверо условно тяжелораненых. Зона под плотным огнем противника. Моя группа обеспечивает глухой силовой периметр и жесткую зачистку сектора от угроз. Группа магистра Вейн осуществляет стабилизацию раненных и эвакуацию тел. Время пошло!

Он метнул пульс-мину в самый центр полигона и активировал таймер. И в ту же секунду начался неконтролируемый ад.

Боевики Мистера рванули вперед с агрессивным рыком, моментально разворачивая тяжелые силовые полусферы. Иара бросилась на левый фланг, намертво закрывая брешь от воображаемого огня, а Талберт, путаясь в ногах, но пытаясь от усердия, перекрыл правый. Бран стоял впереди всех. Они действовали агрессивно, как единый бронированный таран... И катастрофически слепо по отношению к нам, медикам.

Один из големов в центре захрипел динамиками, достоверно имитируя массивное артериальное кровотечение. Красный алхимический маркер хлестнул фонтаном прямо на песок.

— Кровопотеря! Держите давление, я сейчас! — крикнула Лисетт и вместе с Эвой самоотверженно бросилась к нему, на ходу сплетая зеленый медицинский контур свертываемости.

Торн, единственный из моих ребят, кто имел реальный боевой опыт и читал движения чужого строя наперед, резко рванул им наперерез.

— Стой! Они сейчас сомкнут щиты, нас размажет! — рявкнул он, пытаясь перехватить девчонок за мантии.

Но было поздно. Девочки физически не успели подойти к «пациенту». Огромный Брам, отступая и прикрывая Талберта своим ростовым щитом от флангового обстрела, резко, не глядя назад, сдал на два шага. Его тяжелый армейский сапог с хрустом впечатался в диагностическую хрустальную аппаратуру, которую Лисетт только что разложила на песке перед големом. Курсант от неожиданности махнул щитом, задевая целительницу его краем. Девочка отшатнулась, потеряла равновесие и сбила с ног бегущую следом Эву. Торн едва успел выставить воздушную подушку, чтобы они не разбили головы о камни.

И ровно в этот момент сработал таймер латунной сферы Мистера. Ударная волна шарахнула по барабанным перепонкам, взрытый песок взметнулся в воздух густым облаком, ослепляя всех на площадке. Силовые щиты боевиков тревожно мигнули под резкой нагрузкой и с треском осыпались.

Но затем произошло то, чего не должно было случиться. Один из медицинских фантомов, над которым так и не успела провести нужную стабилизацию оглушенная Эва, вдруг издал пронзительный звук перегрузки.

Я мгновенно поняла: давление эфира в его матрице критически скакнуло за красную отметку. Защитный клапан сброса почему-то не сработал.

— Назад! Всем немедленно уходить от куклы! Ложись! — заорала я, бросаясь вперед.

Глухой, мощный хлопок разорвал полигон. Пьезокристалл внутри голема сдетонировал, щедро окатив оглушенных студентов густой, трудно смываемой красной краской. Она ярко и неопровержимо сигнализировала о тотальном летальном исходе для всех в радиусе поражения.

Наша первая симуляция с позором провалилась на тридцать восьмой секунде.

Пыль лениво оседала на полигон. Студенты застыли в гробовой тишине, тяжело дыша и кашляя от едкого запаха гари. Лисетт сидела на песке, сжимая разбитую коленку. Брам расте-

рянно смотрел то на раздавленный кристалл под своим сапогом, то на свои красные от алхимической крови руки.

Я медленно вышла в самый центр перепачканной площадки. Внутри меня не было ни капли истерики, там сформировался арктический холод специалиста, чья кропотливая работа только что бездарно пошла прахом.

— Стоп, — мой голос резал этот звенящий воздух почище хирургической пилы по кости. — Учения завершены. У нас стопроцентная потеря всей группы. Вы все мертвы.

Арден Мистер подошел ко мне. Его лицо оставалось непроницаемой маской.

— Ваша группа не удержала заявленный темп, магистр Вейн. Они непозволительно замешкались в зоне активного поражения, запаниковали и попали под контузящую волну.

Я медленно повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза. Никакого пиетета перед его званиями.

— Моя группа, генерал, не смогла выполнить свою работу исключительно по одной-единственной причине: ваши неотесанные бабуины не обучены даже базовому тактическому взаимодействию с союзниками! — чеканя каждый слог, процедила я. — Курсант Брам!

Огромный парень вздрогнул, как от удара плетью, и вытянулся по струнке.

— Да, магистр!

— Вы только что раздавили критически важный медицинский артефакт! Вы снесли с ног полевого хирурга и оставили пациента детонировать как бомбу! В реальном бою вы только что из-за своей тактической слепоты убили троих своих товарищей. Объяснитесь!

— Я выполнял жесткую зачистку сектора по уставу, магистр Вейн! — басом, хмуро оправдывался Брам, глядя на Мистера. — Медики должны были держаться позади моего щита и не лезть на прямую линию огня!

— Медики должны были стабилизировать ядро, у которого счет до смерти шел на жалкие секунды! А вы физически перекрыли им доступ! — я круто развернулась к Мистеру, впиваясь в него взглядом. — Вы учите их красиво умирать с гордо поднятой головой, Мистер! Но вы совершенно не учите их смотреть себе под ноги и думать о тех, кто идет следом зашивать их раны!

Арден смотрел на меня сверху вниз. В его глазах холодно и бесстрастно работал аналитический аппарат кадрового военного.

— В условиях реального боя, Мелисса, — произнес он ровным тоном, — приоритет всегда отдается подавлению внешней угрозы. Если боевик не зачистит сектор и будет отвлекаться на ювелирную работу лекаря, враг просто убьет их обоих. Мои люди действовали строго по уставу. Ваша группа должна была занять укрытие и дожидаться моего зеленого сигнала о зачистке.

— Полевая медицина не ждет вашего долбаного зеленого сигнала, когда у пациента разорвана артерия или перегружена матрица! — жестко парировала я, делая агрессивный шаг к нему вплотную. — Ваша сухая уставная логика устарела на двадцать лет! Вы пытаетесь натянуть бумажные инструкции на истекающих кровью людей. И если вы продолжите обучать их в том же духе, ваш элитный факультатив к концу семестра превратится в курсы по подготовке организованных трупов!

Мы стояли вплотную друг к другу посреди красного от въедливой «крови» песка. Два совершенно разных мира. Две несовместимые парадигмы выживания.

Он видел во мне эмоциональную гражданскую выскочку, которая мешает строгой дисциплине. Я видела в нем заостренного системного фанатика, который ради ровного строя готов пустить людей на пушечное мясо. Между нами не было ни единой искры симпатии. Только звенящий профессиональный конфликт. И в этот момент, отвернувшись от него в гневе, я опустила взгляд на разорванную грудную клетку испорченного голема.

Мой профессиональный навык сработал на автомате. Я опустилась на колени перед лужей красного маркера. Медный клапан сброса давления, который я лично калибровала перед самым началом тренировки, был вырван с корнем. Но что-то в нем было не так.

При естественном разрыве от избыточного давления края меди должны быть выгнуты наружу и разорваны в клочья, как лепестки. Этот же срез с одной стороны был подозрительно гладким. Слишком ровным для хаотичного взрыва.

Меня обдало ледяным потом. Предохранитель был намеренно ослаблен так, чтобы голем гарантированно взорвался от малейшего магического скачка. Это не была ошибка испуганных студентов. И это не было случайным совпадением от удара пульс-мины. Но чтобы доказать это, мне понадобится провести глубокий химический и эфирный анализ в лаборатории.

Я незаметно стерла с клапана краску и спрятала его в глубокий карман мантии. Краем глаза я уловила движение наверху и медленно подняла голову. На высоком кованом балконе наблюдательной галереи стояла знакомая, сухая фигура.

Госпожа Веллер. Она, как и было оговорено, присутствовала на учениях. В её костлявых руках была открытая папка министерства. Она методично делала пометки угольным карандашом, внимательно наблюдая за нашим провалом и нашей яростной перепалкой. Её бледное лицо выражало абсолютное, нескрываемое удовлетворение происходящим хаосом.

Она была живым воплощением системы, которая в этот самый момент хладнокровно фиксировала: живые, неконтролируемые связи между людьми опасны. Человеческий фактор всегда ведет к смертям и ошибкам.

И вот тогда, стоя под палящим солнцем, я с пугающей математической ясностью поняла одну очень плохую вещь. Наш открытый провал — не случайность.

Нас целенаправленно, как двух лабораторных крыс, поместили в одну тесную банку. Нам выдали несовместимые вводные. Кто-то влиятельный испортил мое оборудование, чтобы взрыв был стопроцентно гарантирован. И теперь эта министерская мымра стояла наверху, педантично записывая, как быстро мы с генералом перегрызем друг другу глотки, доказывая комиссии полную несостоятельность человеческих эмоций на поле боя.

Я брезгливо стерла с щеки каплю алхимической краски, отвернулась от балкона и снова посмотрела в непроницаемые серые глаза Мистера.

— Собирайте своих людей, генерал, — предельно сухо сказала я, отступая на шаг. — Вы были абсолютно правы. На сегодня этот эксперимент окончен. Но я настоятельно рекомендую вам на досуге внимательно перечитать учебник по анатомии. Возможно, тогда вы поймете, что без работающего сердца внутри, ваш идеальный стальной щит — это просто тяжелый кусок мертвого металла.

Я не стала дожидаться ответа. Резко развернулась и пошла к своим подавленным студентам, сжимая в кармане холодную медь.

Настоящая война в академии только что началась. И, судя по зрителям на балконе, правила в этой войне писали вовсе не мы с генералом.

Глава 7. Саботаж и временное перемирие

Стерильный, мертвенно-белый свет магических ламп в моей подземной лаборатории всегда действовал на меня успокаивающе. В отличие от дневного солнца, он не оставлял неучтенных теней, в которых могли бы спрятаться эмоции или технические ошибки.

Я сидела за тяжелым металлическим столом, низко склонившись над увеличительной линзой, и методично, миллиметр за миллиметром, изучала извлеченный из голема медный клапан.

Тонкая медицинская артефакторика — это наука, категорически не прощающая дилетантов. Пьезокристаллическая матрица кадастра работала по принципу замкнутого эфирного контура: она перегоняла потоки искусственной праны, достоверно имитируя кровообращение. Клапан, который лежал сейчас передо мной, служил базовым предохранителем. При резком скачке внутреннего давления, например, от неверного, слишком грубого плетения студента, он должен был просто стравить излишки магии в воздух с громким, предупреждающим свистом.

Но он не стравил. Он заблокировал поток, направив его обратно в ядро, что и привело к эффектному взрыву на полигоне.

Я сменила фокус линзы, детально рассматривая борозду на металле. Срез был неровным, но хирургически точным по месту приложения. Кто-то очень грамотный не просто ударил по клапану наугад. Этот неизвестный «кто-то» использовал алхимический надфиль с алмазным напылением, чтобы аккуратно, ровно на три четверти толщины, подпилить стопорную пружину. Ровно настолько, чтобы визуально деталь казалась целой, но при малейшем повышении эфирного давления гарантированно деформировалась и намертво заклинила механизм.

Дверь лаборатории тихо скрипнула. На пороге стояли Эва и Лисетт. Обе уже успели отмыть лица от въедливого красного маркера, но в их волосах всё еще отчетливо виднелись розовые разводы. Выглядели они как два побитых, очень злых котенка.

— Магистр Вейн, — нерешительно начала Лисетт, переминаясь с ноги на ногу. — Мы закончили инвентаризацию остатков. Два фантома подлежат полному списанию, еще один можно восстановить, если заменить грудную пластину.

Она положила на край стола опись. Эва, не выдержав, шагнула вперед, сжимая кулаки:

— Магистр, это несправедливо! Эти дуболомы генерала просто снесли нас! Брам наступил на мой рефлектор, а потом еще и орал, что мы путаемся под ногами. Мы не провалили симуляцию, нам просто физически не дали к ней подойти! Мы будем подавать официальную жалобу в деканат на действия боевого факультета?

Я отложила лупу, откинулась на спинку металлического стула и скрестила руки на груди, внимательно разглядывая своих растрепанных учениц.

— Жалобу в деканат, Эва? — холодно переспросила я. — И что именно вы там напишете? «Уважаемая комиссия, нас обидели злые мальчики с большими армейскими щитами, пожалуйста, накажите их»?

Эва вспыхнула от негодования, но я подняла руку, резко обрывая её.

— Подойдите сюда. Обе.

Они осторожно приблизились к столу. Я подвинула к ним изуродованный медный клапан и лупу.

— Смотрите. Внимательно. И скажите мне, как будущие специалисты полевой анатомии, от чего именно «умер» наш голем.

Лисетт наклонилась первой. Её аналитический взгляд отличницы мгновенно выхватил техническую суть. Она долго изучала борозду, а затем подняла на меня расширившиеся от понимания глаза.

— Это... Это срез, магистр. Не разрыв от детонации пульс-мины. Пружина подпилена изнутри.

— Bravo, Лисетт. Ваш окончательный диагноз?

— Саботаж, — выдохнула девочка, стремительно бледнея.

Эва выхватила лупу, посмотрела сама и задохнулась от возмущения.

— Это они! Я так и знала! Эти ублюдки Мистера специально испортили наши куклы, чтобы выставить нас идиотами перед министерской проверкой!

— Сядьте, Эва. Выключите эмоции и включите холодный мозг, — ледяным тоном командовала я. — Посмотрите на толщину среза. Чтобы подпилить механизм эфирного предохранителя, не спровоцировав утечку праны заранее, нужно досконально знать внутреннюю архитектуру медицинских големов. Вы всерьез думаете, что кто-то из прямолинейных боевиков генерала, которые с трудом отличают кровоостанавливающий бинт от жгута, способен на такую ювелирную артефакторную диверсию? Если бы они полезли в матрицу со своими знаниями, их бы расщепило на атомы еще в кладовке.

Лисетт напряженно нахмурилась.

— Но если это не боевики... Значит, кто-то из преподавателей? Или из ректората?

— Значит, мы стали статистами в чужом, очень хорошо срежиссированном спектакле, — жестко констатировала я, убирая испорченный клапан в герметичный пакет. — Кому-то наверху было жизненно необходимо, чтобы сегодня на полигоне произошел громкий взрыв, математически доказывающий нашу абсолютную некомпетентность и несовместимость.

В этот момент тяжелая дверь лаборатории распахнулась, и в проеме показалось кудрявое недоразумение. Талберт.

Он выглядел так, словно его пропустили через промышленную мясорубку. Он тяжело опирался о косяк, форменная куртка была порвана на плече, а под глазом наливался впечатляющий, живописный синяк.

— Магистр Вейн... Разрешите войти, — просипел он.

— Талберт, если вы пришли умереть на моей кафедре, чтобы окончательно испортить мне статистику успеваемости, я вас лично воскрешу и убью заново, — ровно сказала я. — Что с вашим лицом?

— Боевые отметины из раздевалки, — он скривился, с благодарностью прикладывая к синяку холодную склянку, которую ему молча сунула Эва. — Я пришел с разведанными, магистр. Прямо из вражеского тыла.

— Я вас очень внимательно слушаю.

Талберт выпрямился, стараясь придать себе максимально солидный вид, насколько это было возможно с разбитой скулой.

— У боевиков тоже паника и ярость, магистр. Я был в душевой, когда Корс, Иара и Брам обсуждали полигон. Брам железобетонно уверен, что это мы, медики, специально подорвали своего голема прямо у них под ногами.

— Что за бред?! — снова возмутилась Эва.

— Я цитирую дословно, — вздохнул Талберт. — Брам кричал, что «эти мстительные девицы Вейн» нарочно перегрузили матрицу, чтобы взрывной волной снести им силовые щиты и выставить их слепым, беспомощным мясом перед министерством. Только Торн пытался с ними спорить, доказывая, что вы сами едва не пострадали. Генерал Мистер наказал всю группу за потерю контроля над сектором. Пятьдесят кругов по стадиону в полной выкладке. Они нас просто ненавидят.

Я медленно облокотилась о стол, массируя пульсирующие виски.

Гениально. Предельно просто и гениально. Разделяй и властвуй. Неизвестный саботажник не просто сорвал учения. Он блестяще, одним подпиленным клапаном, вбил клин между двумя студенческими группами. Теперь они никогда не станут работать в связке, потому что

элементарно, на животном уровне не доверяют друг другу. А госпожа Веллер наверху уже наверняка пишет красивый отчет о полной психологической несовместимости факультетов и о том, что решение о финансировании только одного направления было единственно верным.

— Лисетт, Эва. Забирайте Талберта в лазарет, обработайте лицо и проследите, чтобы он сегодня больше не искал приключений на свою голову, — распорядилась я, накидывая на плечи строгую черную мантию.

— А вы куда, магистр Вейн? — с неприкрытой тревогой спросила Лисетт.

— А я иду наносить дипломатический визит в стан врага. Должен же кто-то сказать нашему несгибаемому генералу, что мы с ним оба оказались пешками в чужой игре.

Гостевое крыло академии, где временно квартировал Арден Мистер, отличалось суровой, спартанской аскетичностью. Никаких ковровых дорожек, приглушающих звук, никаких гобеленов на стенах. Только голый холодный камень и гулкое эхо моих шагов.

В кармане тяжелым грузом лежал герметичный пакет с испорченным медным клапаном. Идти к врагу на его территорию ночью — всегда плохая идея. Но логика внутри меня кричала гораздо громче уязвленной женской гордости.

Я остановилась у дубовой двери его кабинета и громко постучала.

— Войдите, — донесся глухой, усталый голос.

Я толкнула створку.

Комната была под стать своему хозяину: минимум лишней мебели, максимум суровой функциональности. Арден сидел за широким столом, заваленным рапортами и схемами тактических построений. Он сменил пыльную полигонную форму на темную рубашку, верхние пуговицы которой были небрежно расстегнуты.

Сейчас в нем не было той непробиваемой, монолитной генеральской уверенности, которой он давил нас днем. Он тяжело опирался локтями о стол и массировал виски. В свете тусклой настольной лампы под глазами залегли глубокие, резкие тени. Смертельно вымотанный мужчина, на которого за один день свалилось слишком много.

Услышав шаги, он поднял голову. В серых глазах на долю секунды мелькнуло удивление, но он невероятно быстро взял себя в руки, собирая рассыпавшуюся броню.

— Магистр Вейн, — он отнял руки от лица и выпрямился. — Решили продолжить нашу дискуссию о приоритетах выживания без лишних свидетелей?

— Оставьте сарказм для рапортов ректору, генерал, — я подошла к столу, вытащила пакет с клапаном и бросила его прямо поверх разложенных схем. Металл звонко брякнул по столешнице. — У меня нет времени на философские диспуты. Мы с вами находимся в глубокой яме.

Он не изменился в лице. Медленно, не сводя с меня цепкого взгляда, взял пакет. Покрутил деталь в сильных пальцах, поднес ближе к источнику света. Его глаза опасно сузились. Человек, привыкший лично проверять оружие и снаряжение перед боем, безошибочно заметит следы диверсии.

— Искусственный срез, — тихо констатировал он. — Алмазный надфиль. Это предохранитель с того взорвавшегося медицинского голема?

— Да. Деталь от нашего «Патрика», — я оперлась руками о край его стола. — Голем взорвался не потому, что мои студенты запаниковали. И не потому, что ваша латунная игрушка дала акустическую волну. Он взорвался, потому что кто-то технично подпилит пружину сброса давления. Кто-то очень хотел, чтобы Патрик рванул именно в тот момент, когда мы сойдемся в центре полигона под прицельным взглядом аудитора Веллер. И следы саботажа, скорее всего,

так и остались бы в списанном кадастре, если бы не случайность. Только чудо позволило мне вовремя увидеть эту странность на полигоне. Иначе мне и в голову не пришло бы проверять.

Мы смотрели друг на друга в упор. Я ожидала, что он начнет защищаться, обвинит в саботаже моих студентов или конкурентов с кафедры артефакторики, но он промолчал, продолжая буравить меня тяжелым взглядом.

— И почему вы пришли с этой находкой именно ко мне, Мелисса? — спросил он, медленно откинувшись на спинку кресла. Его голос звучал испытующе. — По всем законам жанра, вы должны были решить, что это я отдал тайный приказ испортить ваше оборудование, чтобы гарантированно выиграть этот конкурс и унижить вас перед министерством.

— Я думала об этом, — предельно честно призналась я. — Ровно три секунды. А потом вспомнила, с кем именно имею дело.

— И с кем же?

— С прямолинейным солдафоном, — процедила я. — Вы, генерал Мистер, идете к цели прямо, как баллистический снаряд. Если бы вы захотели меня уничтожить, вы бы стерли мою группу в порошок на открытом полигоне за счет грубой силы и тактики. Вы бы не стали марать руки грязными ночными вылазками с напильником. Саботаж исподтишка — это излюбленное оружие политиков и трусов. А вы не трус.

В воздухе повисла звенящая тишина. Это был первый раз, когда мы не обменивались ядовитыми, хлесткими оскорблениями. Холодная констатация фактов от двух профессионалов, которые внезапно для себя поняли, что оказались заперты в одной клетке.

Арден чуть заметно, краешком губ, усмехнулся. В этой усталой усмешке не было ни капли тепла, но в ней было безоговорочное признание моей логики.

— Ваша прямолинейность, доктор Вейн, порой граничит с безрассудством. Но ваша дедукция верна, — он подался вперед, сцепив пальцы в замок. — Мой старшина Брам доложил мне час назад, что среди боевиков зреет абсолютная уверенность: это вы, медики, намеренно спровоцировали взрыв голема, чтобы подставить нас перед комиссией. Только Торн безуспешно пытается вбить им в головы обратное.

— Мой вездесущий Талберт доложил то же самое, — мрачно кивнула я. — Мои уверены, что это вы раздавили оборудование специально. Нас стравливают. Грубо и очень эффективно. Неизвестный диверсант вбил клин между двумя курсами. Теперь они никогда не станут работать в связке, потому что элементарно не доверяют друг другу.

— Значит, у нас завелась крыса, — опасно произнес Арден, и от его тона по спине пробежал холодок.

— Крыса, имеющая профессиональный допуск к артефактам, — поправила я. — Но этот клапан лишь половина картины. Чтобы подпилить его, саботажнику нужно было вскрыть грудную клетку Патрика. Если он это сделал, он неизбежно оставил следы на самой матрице. Я должна осмотреть тело.

— Где сейчас останки вашего голема? — Арден мгновенно уловил мою мысль.

— Их сразу уволокли в мастерскую. Профессор Линус собирался утром писать акт о списании из-за эксплуатационного износа.

Арден решительно встал, накидывая на плечи темный плащ.

— В мастерской ведутся журналы дежурного доступа, — сказал он, на ходу застегивая армейский ремень. — Если кто-то входил туда ночью, это зафиксировано. Идемте, магистр Вейн. Кажется, нам предстоит совместное ночное вскрытие.

Тишина в артефакторной мастерской казалась физически тяжелой. Здесь густо пахло жженой канифолью, машинным маслом, металлом и горелой изоляцией. Наш визит стал для

сонного профессора Линуса крайне неприятным сюрпризом. Он нервно протирает блестящую лысину клетчатым платком.

— Предоставьте, пожалуйста, журналы дежурного доступа за последние двое суток, — жестко, не терпящим возражений тоном скомандовал Арден.

Профессор дрожащими руками протянул толстую учетную тетрадь. Я встала рядом с Арденом, почти касаясь его плеча, чтобы лучше видеть страницы. Почерк дежурных был идеальным. Выверенным до миллиметра.

Мы переглянулись.

— Что скажете, генерал? — тихо спросила я.

Арден всмотрелся в чернила.

— Скажу, что настоящая караульная документация так никогда не выглядит, Мелисса. В реальных журналах всегда есть кляксы, помарки, разные чернила и разные почерки. А здесь весь разворот за двое суток написан одной рукой, на одном дыхании. Чернила на последней записи еще подозрительно свежие. Журнал переписали задним числом.

Профессор испуганно попятился к стене. Подлог был налицо. Систему грамотно зачистили. Арден, не тратя драгоценного времени на пустые расспросы перепуганного старика, молчаливым, тяжелым жестом указал профессору на дверь. Тот не заставил себя упрашивать дважды и пулей вылетел в коридор.

Я подошла к вскрытой грудной клетке голема. Взяла лупу и направила узкий луч магического фонаря прямо в переплетение искусственных трубок. Машинально выдвинув технический ящик стола, мой взгляд мгновенно прикипел к тонкому металлическому резцу, небрежно брошенному поверх кусачек.

Я взяла резец двумя пальцами. Закрыла глаза, привычно проверяя баланс инструмента.

— Нашли орудие преступления? — Арден внимательно следил за моим изменившимся лицом.

— Хуже, — деревянным голосом ответила я. — Я нашла свой собственный рабочий инструмент.

Я повернулась к нему, протягивая резец на открытой ладони.

— Это не инструмент артефактора, Арден. Это хирургический костный гравер. Мы используем такие на старших курсах, когда нужно ювелирно спилить осколок кости, и на факультативе. Баланс смещен к рукояти.

Я указала кончиком гравера на борозду на медном клапане.

— Линия начинается очень мягко и плавно. Так работает только человек, умеющий резать живую, пульсирующую ткань. Но это скорее новичок.

Арден склонился над деталью, вглядываясь.

— Линия ровная только до середины. А в конце срез становится рваным и дерганым.

— Именно! У того, кто это пилил, в критический момент сорвалась рука. Инструмент соскочил.

Я поднесла резец к лицу. Принюхалась к металлической рукояти. В нос ударил тонкий, знакомый горьковатый запах. Внутри всё мгновенно похолодело.

— Понюхайте рукоять, — я протянула инструмент Ардену. Он осторожно вдохнул.

— Специи? Травы?

— Концентрированная настойка горькой гвоздики, — процедила я, чувствуя, как тошнотворный ком медленно подступает к горлу. — Специфический, строго учетный препарат. Мы храним его за семью замками в лазарете целительского факультета. Ей абсолютно нечего делать в артефакторной мастерской.

Я тяжело оперлась ладонями о край стола, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а в голове роятся десятки вопросов. Зачем саботажнику понадобилась именно гвоздика? Случайно пролил? Нет, такие люди не делают случайных ошибок. И почему линия надреза сорва-

лась в самом конце? Чего-то в этом уравнении критически не хватало. Какой-то одной, самой важной детали, которую мой мозг пока отказывался ухватить.

Но одно было ясно абсолютно точно.

— Понимаете, что это значит, Арден? — глухо спросила я, глядя на лежащий резец. — Мой личный костный гравер. Учетный препарат с моей кафедры, запах которого въелся в металл. Кто-то не просто сломал голема. Кто-то очень старательно разложил хлебные крошки, ведущие прямо к моей двери, если саботаж вскроется.

В мастерской стало невыносимо тихо. Арден смотрел на меня. В его серых глазах не было ни торжества, ни высокомерия следователя, поймавшего врага за руку. Только спокойное понимание фактов. След этого грязного саботажа указывал на мою кафедру. Ко мне.

— Это пока ничего не доказывает, Мелисса, — твердо сказал Арден, разрубая сгустившуюся тишину.

Я вскинула на него затравленный взгляд. Он стоял, небрежно привалившись бедром к столу. В его голосе не было ни малейшего намека на скользкую осторожность. Он констатировал факт, защищая меня от моих же панических выводов.

— Ученому совету и аудитору Веллер с лихвой хватит этого гвоздичного намека, чтобы с удовольствием разорвать моих людей в клочья и официально обвинить целителей в диверсии, — с горечью ответила я.

— Значит, Ученый совет об этих деталях не узнает, — как ножом отрезал Арден.

Мы вышли из душной мастерской в темный коридор, унося с собой все компрометирующие вещдоки.

— Вы совершенно не удивились там, внутри, — тихо сказала я, глядя на его профиль.

— Чему я должен был удивиться? — Арден устало провел рукой по лицу. — Тому, что кто-то из ваших талантливых хирургов технически мог повернуть это под чужим именем? Меня сейчас интересует только одно: кто конкретно и по чьему приказу влез в систему.

Я искоса посмотрела на него.

— Вы мне доверяете? Смелое доверие для человека, который живет в эпицентре слухов о том, что коварные медики пытаются его уничтожить.

— Я военный, Мелисса. Я умею отличать реальную угрозу от искусно подброшенной провокации. Нас сговаривают.

Мы остановились на развилке коридоров. В тусклом свете ночных ламп его лицо казалось измотанным, лишенным привычной жесткой брони.

— Вы правда железобетонно уверены, что это сделал не кто-то из моих студентов? Не кто-то из лаборантов, кто хотел выслужиться передо мной и убрать вас с дороги? — спросила я, с вызовом глядя ему прямо в глаза.

— Нет, — сказал он предельно честно. — Не уверен. Точно так же, как я сейчас не могу быть на сто процентов уверен в своих боевиках. Среди них тоже хватает горячих голов, способных на подлость ради «честь факультета». Я не буду льстить вам, Вейн, сладкой верой в вашу абсолютную непогрешимость. Я буду работать только с фактами.

Я медленно выдохнула. Его честное, прямое мужское «не знаю» стоило гораздо дороже любых рыцарских клятв о слепом доверии. Это было про прочный, настоящий фундамент, на котором держится нормальное партнерство.

— Хорошо, Арден. Принимается, — кивнула я, соглашаясь на новые правила игры. — Значит, с этой минуты мы негласно проверяем своих. Я поднимаю закрытые журналы выдачи настойки гвоздики в лазарете. Ищу, кому она могла понадобиться в таких количествах. Тихо и без свидетелей.

— А я подниму личные дела всех своих курсантов и технического персонала, — он мрачно свел брови. — Проверю, у кого зафиксированы старые травмы рук, недавние ожоги или любые нарушения моторики, которые могли бы объяснить сорвавшийся надрез.

Он протянул мне руку для жесткого рукопожатия. Уверенная, мозолистая ладонь кадрового солдата. Я вложила свои холодные пальцы в его. Хватка была крепкой, надежной, но удивительно бережной.

— Временный пакт о ненападении, генерал? — спросила я, глядя на наши сплетенные руки.

— Пакт о совместном выживании, Вейн, — поправил он, разжимая пальцы. — До завтра. Я зайду к вам в лазарет с результатами.

Глава 8. Боевики и медики

Если вы хотите увидеть истинное лицо факультета, не смотрите на студентов во время триумфа. Посмотрите на них, когда они облажались.

Мое целительское крыло в это утро напоминало не обитель исцеления, а поле боя после артобстрела, где вместо ядер использовали взаимные обвинения. Ректор, в рамках своего издевательского «эксперимента по слиянию», приказал проводить разбор ошибок после вчерашней катастрофы на полигоне на базе медицинского корпуса.

Теперь в моей стерильной аудитории, пропахшей мятой и спиртом, сидели семь помятых медиков и двадцать крайне недовольных боевиков.

В центре внимания был Брам. Огромный, широкоплечий, он сидел на слишком маленьком для него медицинском табурете и с таким остервенением бинтовал себе кулак, будто пытался его задушить.

— Я еще раз говорю, — пробасил Брам, не поднимая головы, — ваш Патрик начал визжать еще до того, как я к нему приблизился. У него была истерика. Как я должен прикрывать щитом то, что само собирается детонировать? Я боец, а не сапер-самоучка!

— Брам, у Патрика не бывает «истерик», — отрезала Эва, яростно протирая линзы своих очков. — У него есть протокол перегрузки. Если бы ты не впечатал свой сорок шестой армейский размер прямо в стабилизирующую решетку Лисетт, мы бы успели сбросить давление. Но ты же у нас таран. Вижу цель — не вижу лекаря.

— Я спасал твою шею, рыжая! — рывкнул Брам, наконец вскинув тяжелый взгляд. В его глазах читалась та самая прямолинейная ярость, которая делает из людей отличных солдат, но ужасных пациентов. — Если бы я не сдал назад и не перекрыл фланг, тот акустический импульс от мины выжег бы тебе сетчатку. Скажи спасибо, что ты вообще сейчас видишь своих дурацких големов.

— Брам, она права, — внезапно вмешался Торн. Он сидел поодаль, небрежно прислонившись к подоконнику. Его хмурое лицо было абсолютно спокойным, но голос звучал тяжело, заставляя прислушаться. — Ты перекрыл фланг, но сломал строй изнутри. Когда ты сдаешь назад с закрытым щитом, ты должен чувствовать спиной тех, кого прикрываешь. Ты этого не сделал.

— Ой, да ладно вам, Торн, не читай мораль, — встряла Иара, лучшая студентка Мистера. Она сидела на пустом операционном столе, нетерпеливо качая ногой в тяжелом ботинке. — Давайте признаем очевидное: их Патрики — это хлам. Слишком хрупкие для реального поля. Генерал учит нас работать в грязи, а они предлагают нам балет вокруг фарфоровых кукол.

— Спасибо, Иара, — ядовито подала голос Лисетт. Она сидела рядом с разобраным торсом Патрика, её тонкие пальцы были по локоть испачканы в технической смазке. — Теперь у нас вместо одного целого голема — три килограмма обгоревшей меди и одно разбитое колено. Мое.

Брам на секунду запнулся, глядя на тугую повязку на ноге Лисетт, и его пыл заметно угас. Он что-то невнятно буркнул себе под нос, что подозрительно напоминало скомканое «извини», но тут же снова нацепил маску сурового воителя.

— Иара, если в настоящем бою тебе оторвет ногу, — жестко произнес Торн, отрываясь от подоконника, — ты будешь очень слезно просить, чтобы эти «балерины» сплели тебе сосудистый контур. И желательно, чтобы в этот момент по их рукам не топтался Брам. Поверь мне. Я видел, как это бывает, когда лекарь не может подойти из-за тупости прикрытия.

В аудитории повисла тяжелая пауза. Торн был редкостью среди боевиков — он единственный имел реальный боевой опыт на прошлой практике и знал истинную цену чужой крови.

Удивительно, но наш болтливый Талберт благоразумно молчал. Видимо у него все же есть понимание, когда стоит сидеть тихо. Сейчас он был кем-то вроде двойного агента, и обе стороны относились к нему с подозрением.

— Магистры идут! — громко, сдавленно прошептал Нерис, который до этого старательно делал вид, что он просто часть анатомического плаката на стене.

Поздновато они нас заметили. Я тут уже минут десять стояла у приоткрытой двери и слушала.

Аудитория мгновенно преобразилась. Брам вытянулся, чуть не опрокинув табурет, Иара спрыгнула со стола с грацией испуганной кошки, а мои медики дружно и очень убедительно уткнулись в пустые конспекты.

Мы с Арденом вошли одновременно, плечом к плечу. Я чувствовала исходящий от него запах влаги и холодного металла — он явно только что пригнал своих парней с утренней штрафной пробежки. Я же, напротив, пахла антисептиком и бессонной ночью, проведенной над мыслями о подпиленном клапане.

— Прелестная картина, — ядовито заметила я, проходя к кафедре и бросая папку на стол. — Я вижу, процесс междисциплинарного общения идет полным ходом. Кто-нибудь уже успел наложить шину на чужую уязвленную гордость?

— Мы обсуждали тактику, магистр Вейн, — четко, по-уставному ответил Брам, преданно глядя в стену над моей головой.

— Тактику? — Арден Мистер прошел вглубь комнаты. Его тяжелые шаги по кафельному полу звучали, как мерные удары молота. — Брам, тактика подразумевает наличие мозга, работающего в связке с глазами. Ты раздавил оборудование поддержки. Торн, ты пытался скорректировать движение звена, но недостаточно жестко, чтобы тебя слышали сквозь шум боя. Иара, ты сейчас доказываешь, что твоя уязвленная гордость важнее выживаемости отряда.

Боевики разом помрачнели. Генерал не давал спуска своим, и это было единственное, в чем я была с ним абсолютно, безоговорочно согласна.

— Сегодняшнее занятие проведем иначе, — сказал Мистер, оборачиваясь ко мне. В его глазах не было вчерашнего холода, только деловая сосредоточенность и поддержание нашего ночного пакта. — Магистр Вейн считает, что мои люди — неотесанные бабуины. Я же считаю, что её студенты — стерильные теоретики.

— Я не говорила «стерильные», — поправила я, складывая руки на груди. — Я говорила «узкопрофильные специалисты, которым мешают работать».

— Не суть важно, — отмахнулся он, принимая игру. — Талберт! К доске.

Кудрявое недоразумение, которое до этого момента искренне пыталось слиться с густой тенью за широкой спиной Брама, громко икнуло и вышло на свет магических ламп. Талберт выглядел, как живое пособие по несправедливости мироздания: одна рука в бинтах после моей хирургии, левое плечо синее после силовых тренировок Мистера, а под глазом сиял свежий, великолепный фиолетовый кровоподтек.

— Талберт у нас уникальный экземпляр, — продолжил Арден, и в его строгом голосе я уловила едва заметную искру веселья. — Он единственный, кто вчера был и «бабуином», и «теоретиком» одновременно. Талберт, скажи своим коллегам, когда рванул Патрик, о чем ты думал в первую очередь? О сохранении строя или о целостности голема?

Талберт перевел затравленный взгляд с меня на генерала, сглотнул и предельно честно ответил:

— Если честно, магистр... Я думал о том, что если я сейчас не прыгну влево, Брам меня раздавит, а если прыгну — магистр Вейн меня отчислит за то, что я бросил ценные инструменты. В итоге я просто сильно зажмурился и попытался превратиться в нематериальную точку.

По аудитории прокатился короткий, нервный смешок. Даже суровый Торн позволил себе тень улыбки.

— Это и есть наша главная проблема, — я вышла вперед, перехватывая инициативу, как мы и договаривались ночью. — Вы боитесь друг друга больше, чем врага. Боевики считают медиков обузой, медики считают боевиков источником неконтролируемого хаоса. Но Патрик взорвался не из-за вашего страха. И не из-за вашей ошибки, Брам.

Я выложила на стол тот самый медный клапан. В ярком утреннем свете лаборатории борозда от алмазного надфиля была видна даже с последних рядов.

— Смотрите, — мой голос стал тихим и смертельно опасным. — Это сделала не мина. И не сапог Брами. Пружина сброса давления подпилена хирургическим гравером. Это сделал кто-то, кто очень хотел, чтобы Талберт зажмурился, а вы все перегрызли друг другу глотки прямо на глазах у проверяющей комиссии.

В аудитории воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Студенты: и медики, и боевики, потрясенно подались вперед. Брам глубоко нахмурился, Иара перестала качать ногой, Торн подошел ближе, вглядываясь в блестящий, испорченный металл.

Они были идиотами, они косячили, они спорили до хрипоты, но они не были безнадежны. И мысль о том, что ими цинично манипулируют, ударила по их молодой гордости сильнее, чем любые наши профессорские выговоры.

— То есть... Вы хотите сказать, что нас намеренно пытались покалечить, чтобы стравить факультеты? — голос Брама прогудел под сводами, тяжелый, рокошущий и мрачный.

— Именно, курсант, — жестко подтвердил Арден. — Пока вы грызете друг другу глотки из-за цвета мантий, тот, кто подкрутил голема, празднует победу перед аудитором Веллер. Вас используют втемную. Вопрос в том, позволите ли вы делать из себя дураков дальше.

Я обвела притихших студентов внимательным взглядом. И тут произошло то, чего я никак не ожидала. Группа не просто проглотила шокирующую информацию. Оскорбленные тем, что из них сделали марионеток, они впервые начали складывать разрозненный пазл вместе.

— Я... Я кое-что видела, — робко подала голос Иара, нервно потирая запястье. — В тот день, перед полигоном, когда мы шли по коридору... Пахло гвоздикой. Я еще подумала: странно, у нас в оружейной нет и никогда не было таких терпких настоек.

Мы с Арденом неуловимо напряглись. Наша ночная теория с запахом инструмента начала обрастать неожиданными свидетелями.

— Гвоздика? — Талберт внезапно подскочил на месте, забыв про синяк, его глаза загорелись охотничьим азартом. — Точно! Я же вчера стоял в очереди у каптерки и слышал, как личный помощник аудитора Веллер ругался с прачкой! Жаловался, что пролил её любимое концентрированное ароматическое масло на рукав сюртука!

— Подождите... — медленно протянул Маркус, один из боевиков с задней парты. Он нахмурился, словно пытаясь поймать ускользающую мысль. — Я вчера дежурил на вахте у полигонов. Помощник Веллер подходил туда за час до нашего занятия. Требовал у лаборанта запасные ключи от Малого полигона. Сказал, что это официальная проверка мер безопасности перед визитом комиссии. Я тогда не придавал этому значения, но он... Он выходил оттуда один.

Мы с Арденом переглянулись. Да, наш план сработал безупречно. Мы решили, что не стоит оставлять явную вражду групп без внимания, и перенаправили весь их кипящий гнев на вероятного виновника общей неудачи. Теперь они были злы не друг на друга, а на систему. И они сами, по крупицам, начали собирать доказательства.

— Мы найдем, кто конкретно это сделал, — Арден положил руку на эфес меча, и это короткое, привычное движение выглядело пугающе естественным и многообещающим. — Но до тех пор... Талберт, садись. Брам, помоги Лисетт собрать остатки голема, у нее разбито колено. Иара, Эва — вы в паре незаметно проверяете журналы доступа в мастерские за послед-

ную неделю. Выписываете все несостыковки, ищите подтертые записи. Торн — на тебе координация постов вокруг лабораторий.

— В паре?! — одновременно, с ужасом выдохнули обе непримиримые отличницы.

— Это приказ, — в один голос, не терпящим возражений тоном ответили мы с Мистером.

— И, я очень надеюсь, все здесь присутствующие понимают, что об этом разговоре не должна знать ни одна живая или мертвая душа в академии? — добавила я, окидывая аудиторию самым строгим хирургическим взглядом.

Студенты дружно, мрачно закивали.

Я посмотрела на генерала, он посмотрел на меня. Мы всё еще были конкурентами в этой жесткой гонке за скудный бюджет, мы всё еще не доверяли друг другу до самого конца. Но, глядя на то, как огромный Брам неловко, стараясь не задеть больную ногу Лисетт, помогает ей собирать с пола мелкие медные винтики, а Иара с Эвой уже азартно шушукаются над планом незаконного проникновения в архив, я поняла: наш ночной пакт о ненападении начал приносить первые реальные плоды.

Правда, плоды эти отчетливо пахли порохом, гвоздикой и подгоревшим металлом, но в нашей военной академии по-другому никогда и не бывало.

Глава 9. Право на ошибку

Тихий, нерешительный стук в дверь вырвал меня из раздумий.

Это был не тот властный, уверенный удар костяшками в деревянный косяк, которым Мистер обычно возвещал о своем появлении. Стук был глухим, смазанным. Словно человек по ту сторону двери до последней секунды сомневался, стоит ли вообще поднимать руку.

— Войдите, — хрипло сказала я, машинально прикрывая ладонью записи в журнале. Мало ли, ошиблась в личности визитера.

Дверь приоткрылась со скрипом, который в ночной тишине показался оглушительным. На пороге возник Арден. Я замерла, невольно подавшись назад в своем кресле. Куда, во имя всех святых, делся тот непробиваемый, застегнутый на все пуговицы генерал, который по утрам рывкал на полигоне?

Сейчас он выглядел так, будто на него разом обрушились своды академии. Верхние пуговицы темной рубашки были расстегнуты, словно ткань душила его, воротник смялся. Глаза казались запавшими, а черты лица — болезненно заострившимися.

Он вошел, но не направился к стулу для посетителей. Вместо этого закрыл за собой дверь, замер на мгновение, словно потеряв ориентацию в пространстве, а затем тяжело прошел мимо моего стола к узкому окну. Сцепил руки за спиной и встал, вглядываясь в крошечную темноту внутреннего двора.

Тишина в кабинете стала густой, почти осязаемой. Я слышала только ровное тиканье настенных часов и его дыхание, прерывистое, неглубокое. Это нервное хождение по кабинету, избегание зрительного контакта... Всё это было настолько не похоже на его обычную прямолинейность, что у меня внутри сработала профессиональная врачебная тревога.

— Вы зашли за отчетами, Мистер, или решили поработать ночным призраком в моем крыле? — негромко спросила я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, без привычных колючек.

Он не ответил. Даже не пошевелился. Только плечи напряглись еще сильнее, обрисовывая под тканью рубашки жесткий рельеф.

— Просто... Зашел, — наконец бросил он оконному стеклу. Голос был хриплым, царапающим. — Увидел свет под дверью. Думал, лаборанты забыли выключить.

— Врите кому-нибудь другому, Арден. У вас на лице написано, что вы шли целенаправленно. И выглядите вы так, будто лично, в одиночку разгружали вагоны с углем.

Он коротко, как-то болезненно дернул плечом.

— Длинный день, Мелисса. Ничего больше.

Я медленно поднялась. Обошла стол, физически убирая барьер между нами, и прислонилась к столешнице, скрестив руки.

— Не лгите врачу, — я понизила голос. — Я каждый день вижу этот специфический взгляд. Знаете, у кого он бывает? У хирургов, которые совершили критическую ошибку в диагностике и понимают, что пациент уже не встанет. У людей, которых сжирает чувство вины. Кого вы сегодня пытались «лечить» своими методами, генерал?

Арден судорожно выдохнул. Его пальцы, сцепленные за спиной, побелели от напряжения. Он резко отвернулся от окна и сделал два неверных шага к столу. Наткнулся взглядом на стул, словно впервые его увидел, и тяжело, с глухим стуком опустился на сиденье.

Он оперся локтями о колени, уронил голову на ладони и замер.

— Я проверял личные дела своих курсантов, — заговорил он, заглушая голос руками. Слова падали тяжело, как камни. — Искал тех, у кого в анамнезе травмы рук. Как мы и договаривались.

— Нашли?

— Нашел. Парня со второго курса. Неплохой, перспективный боец. В прошлом году на летней практике получил сильный магический ожог предплечья. Я вызвал его к себе в кабинет вечером. Запер дверь. Я был так уверен, что поймал нашего саботажника. Я давил на него, Мелисса. Использовал всё, чему меня учили в контрразведке. Каждую грязную психологическую уловку.

— И что выяснилось? — я подалась вперед, чувствуя, как сжимается сердце от его подавленного тона. — Ожог дал неврологическое осложнение? Тремор?

Арден поднял голову. В его серых глазах плескалась такая искренняя, человеческая горечь, что мне захотелось отвести взгляд. Это было слишком интимно. Слишком обнаженно для нас двоих.

— Оказалось, что его руки тряслись вовсе не от последствий травмы. И он, разумеется, не саботировал вашего голема. Этот дурак... Он по ночам, в нарушение всех академических уставов и комендантского часа, тайно перелезал через стену и разгружал тяжелые ящики на городском рынке.

— Зачем?

— Ему нужно было оплатить дорогие эликсиры для больной младшей сестры. Стипендии не хватало. Он просто падал от голода, недосыпа и физического истощения. А я... Я сидел в своем чистом, теплом кабинете и в лицо обвинял его в подлом предательстве товарищей. Я довел его до слез. Огромного, сильного парня, который просто пытался выжить и спасти семью.

Я смотрела на него и не находила слов. Генерал Мистер, гроза фронтов, сейчас сидел передо мной и казнил себя за то, что напугал студента. Моя выученная защитная ирония куда-то испарилась. Я видела перед собой не сурового вояку, а глубоко травмированного человека, которого собственная подозрительность только что больно ударила бумерангом. Война так и не отпустила его. Она всё еще заставляла его видеть врагов в тенях.

Я осторожно придвинула к нему свою кружку с остывшим кофе.

— Выпейте.

Он даже не посмотрел на неё. Он вдруг подался вперед. Движение было резким, неловким, словно его тело само искало точку опоры, пока разум был парализован чувством вины. Арден склонился и на мгновение прижался лбом к моему колену. Просто ткнулся головой в плотную ткань моей юбки, тяжело и прерывисто дыша.

Я замерла. Воздух в легких превратился в жгучую смесь. Мои руки инстинктивно дернулись то ли оттолкнуть, защищая свое личное пространство, то ли обнять. Это было настолько нелепо, настолько вне рамок наших колких отношений, что мой мозг на секунду завис.

Но потом врач во мне взял верх над испуганной женщиной. Я осторожно, почти неведомо, опустила ладонь на его жесткие, густые волосы. От них слабо пахло холодным ночным ветром и армейским мылом. Арден мелко вздрогнул под моими пальцами, но не отстранился. Наоборот, он словно выдохнул какую-то часть своей невыносимой тяжести.

— Вы извинились перед ним? — шепотом спросила я, медленно, успокаивающе поглаживая его по затылку.

— Да, — глухо донеслось снизу. — Выдал ему стипендию на полгода вперед из своего фонда. Отправил в казарму спать. Но это не отменяет того, что я старый параноик, который научился видеть в людях что-то, кроме тактических угроз.

— Арден, послушайте меня, — я заставила свой голос звучать твердо. — Ошибка — это часть пути. Мы, хирурги, тоже иногда режем там, где нужно было подождать. Мы пугаем пациентов до полусмерти подозрениями на рак, а потом по анализам оказывается, что это была банальная усталость. Важно то, что вы не сломали его до конца. Вы увидели правду. Вы остановились. Вы человек, Арден, а не бумажная инструкция. Вы имеете право на ошибку.

Эта минутная, пронзительная слабость продлилась недолго. Он медленно, словно нехотя, отстранился, выпрямил спину и одернул рубашку, прячась обратно в свою броню. Его лицо

снова начало приобретать привычные строгие очертания, но в глазах осталась глубокая, пульсирующая тень благодарности за то, что я не высмеяла этот странный порыв.

Он взял кружку с кофе и сделал большой глоток, поморщившись от горечи.

— Спасибо, Мелисса, — негромко сказал он, глядя куда-то на край стола. — Теперь я понимаю, почему ваши студенты вас так боятся и одновременно боготворят. У вас скальпель вместо языка, но руки лечат.

Я вернулась на свое место за столом, стараясь унять внезапную, предательскую дрожь в собственных пальцах. Мое колено всё еще помнило тяжесть его головы.

— Раз уж мы закончили сеанс экстренной психотерапии, давайте перейдем к настоящим преступникам, — я прочистила горло, возвращая себе деловой тон. — Потому что ваше раскаяние только подтверждает мою догадку. Гвоздику из лазарета брали не студенты.

Я развернула к нему тяжелую амбарную книгу, указывая пальцем на печать допуска.

— Взгляните на код доступа в хранилище. Это административный ключ ректората. Универсальный допуск высшего уровня.

Арден нахмурился, мгновенно переключаясь в режим аналитика.

— Зачем высокопоставленному чиновнику настойка от мышечного тремора? — он прищурился. — Если только...

— Если только он не страдает хронической болезнью нервной системы, которую тщательно скрывает, — закончила я. — Чтобы ювелирно подпилить клапан в нашем «Патрике», нужна мертвая твердость пальцев. Настойка гвоздики дает её ровно на пятнадцать минут. А потом оставляет тот самый горький запах, который мы обнаружили на рукояти моего резца.

— Кто из обладателей высшего допуска в академии помешан на абсолютном контроле и больше всего боится показаться слабым? — опасно тихо произнес Арден.

В этот самый момент в коридоре раздался знакомый топот. Дверь распахнулась, и на пороге возникли Эва и Иара, а за ними Торн, тащивший за шкуру запыхавшегося Талберта.

Выглядели они не как победители, принесшие разгадку, а как побитые, растерянные собаки.

— Магистры... — тяжело выдохнула Эва, в отчаянии роняя руки. — Мы ничего не нашли. Вообще ничего.

Иара, зло скрестив руки на груди, оттеснила её плечом:

— Мы обыскали всё. Журналы доступа в мастерские за ту ночь идеально чистые. Кто-то не просто вырвал страницы, он стер даже остаточный магический фон. Торн осторожно опросил старого сторожа в южном крыле...

— Тот клянется, что коридоры были абсолютно пусты, — мрачно подхватил Торн, выступая вперед. — Но я проверил его реакции. У него неестественно расширены зрачки и легкий ступор. Ему явно стерли или изменили память точечным заклинанием забвения.

— Ни следов, ни свидетелей, — развел руками Талберт. — Никто ничего не видел, никто не брал ключи. Кто бы это ни сделал, он прошел сквозь стены как призрак и замел следы, как профессиональный диверсант высшего класса. У нас тупик.

Мы с Арденом медленно переглянулись.

Вместо разочарования в глазах генерала вспыхнул холодный, оценивающий огонь.

— Вы ошибаетесь, курсанты. Вы принесли отличные новости, — ровно произнес Арден. — Отрицательный результат и полное отсутствие зацепок — это тоже результат. Вы молодцы. А теперь марш по спальням. О том, что вы узнали... Или не узнали, ни слова. Это прямой приказ.

Студенты, сбитые с толку такой реакцией, нестройно попрощались и исчезли за дверью.

Когда шаги в коридоре стихли, Арден повернулся ко мне. Усталость на его лице окончательно сменилась ледяной расчетливостью.

— Идеально чистые журналы. Мастерски стертая память. Высший административный допуск, — медленно, как бы взвешивая каждое слово, произнес он. — И безупречный мотив устроить нам катастрофу.

— Аудитор Веллер, — выдохнула я, чувствуя, как по спине ползет холод. Пазл со звенящим щелчком встал на свое место. — Она единственная, кому выгоден этот хаос.

— Но у нас нет ни единого доказательства, — жестко констатировал Арден. — Тот, кто работал на неё руками, был невероятно хорош. Гвоздика, подпиленный клапан, ваш инструмент — всё это косвенные улики. Если мы придем с этим к ректору, он просто рассмеется нам в лицо. Скажет, что мы пытаемся оправдать свою некомпетентность, а вы, Мелисса, пытаетесь свалить на неё вину за пропажу препаратов с вашей же кафедры.

Я сцепила пальцы. Он был абсолютно прав. Ловушка захлопнулась: мы знали, кто враг, но наши руки были связаны её безупречной зачисткой следов.

— И что теперь? — спросила я. — Кажется, у нас появился план? Точнее, его полное отсутствие.

— О да, план у нас будет, — Арден медленно поднялся, и в его взгляде мелькнул азарт хищника, выследившего слишком умную добычу. — Мы не можем поймать её за руку в прошлом. Значит, нам придется играть по её правилам пока. Но на нашем поле.

— Вы предлагаете ударить в ответ?

— Я обещаю, Мелисса, — он чуть заметно, опасно улыбнулся. — Это будет самый шумный скандал в истории министерства. Но для этого нам придется заставить её саму сделать ошибку.

Глава 10. Обмен заложниками

Утро после бессонной ночи всегда ощущается так, будто тебе в голову щедро насыпали битого стекла.

Я стояла у раковины в своем кабинете, методично смывая с рук запах антисептика, и критично разглядывала себя в зеркало. Бледная кожа, залегшие тени под глазами. Ничего романтического, обычное лицо хирурга, который спал ровно два часа, опираясь лбом на открытый медицинский справочник.

Ночной визит Ардена, наша жуткая находка и вычисленный враг — всё это казалось при свете пасмурного утра сюрреалистичным сном. Но факт оставался фактом: мы вступили в игру против собственной администрации.

В дверь коротко постучали. Я не успела поправить воротник блузки, как створка распахнулась. На пороге стоял Арден Мистер.

Он уже переоделся в свежую, наглухо застегнутую форму. Никаких следов вчерашней слабости. Спина прямая, взгляд цепкий, подбородок гладко выбрит. Он снова надел непробиваемую генеральскую броню, но, встретившись со мной глазами, едва заметно кивнул. Этот короткий жест означал больше, чем долгие приветствия: наш ночной разговор был в силе, и он ничего не забыл.

В руках Арден держал плотный свиток пергамента, перевязанный серой лентой с сургучной печатью ректората.

— Доброе утро, Мелисса, — его голос звучал по-деловому ровно. Он прошел к столу и положил свиток на столешницу. — Госпожа Веллер не стала терять времени даром. Она нанесла упреждающий удар. Курьер из секретариата вручил мне это десять минут назад. Знакомьтесь.

Я вытерла руки полотенцем, подошла к столу и сломала сургуч. Глаза быстро пробежались по строчкам, написанным идеальным канцелярским почерком. С каждой секундой пульс ускорялся.

— «Ввиду продемонстрированной накануне катастрофической несовместимости двух профильных групп...» — вслух процедила я. — «...Аудиторская комиссия принимает решение о проведении экстренной проверки боевого слаживания. В случае провала эксперимент не будет продлен, а программы будут полностью упразднены».

Я подняла на него возмущенный взгляд.

— Она перенесла итоговую аттестацию? На когда?

— Ровно через две недели, — мрачно ответил Арден. — Ей не нужен наш успех. Ей нужен наш гарантированный крах, чтобы закрыть оба факультатива разом.

Он замолчал, глядя в окно на серый двор, и его лицо на мгновение приобрело то самое отсутствующее выражение, которое я видела ночью.

— В министерстве уже давно что-то затевали, Мелисса. Еще когда я командовал гарнизоном в Северном секторе. Шли слухи о некоем «особом проекте». Закрытые разработки для артефакторов. Я не успел выяснить детали, меня отправили в отставку. Официально — по выслуге лет. Неофициально — я задавал слишком много вопросов.

Он повернулся ко мне, и его взгляд стал пугающе холодным.

— Теперь я понимаю, почему я здесь. И почему Веллер так спешит. Эта разработка планируется к внедрению здесь, в академии. Наша независимость, наш подход к магии — это кость в горле для тех, кто хочет превратить обучение в конвейер. Им не нужны «думающие» специалисты. Им нужно что-то послушное и стандартизированное. И наш провал через две недели — идеальный повод для «инноваций».

— Значит, мы заставим её подавиться этим приказом, — я скомкала пергамент. — Но у нас нет доказательств, что это она саботировала наши первые учения. Слова двух магистров, ничем не подтвержденные, против слова аудитора Министерства — это ничто. Нас размажут.

Арден обошел стол и встал напротив меня, опираясь костяшками пальцев о столешницу.

— Именно поэтому мы не пойдем к ректору с пустыми руками. Нам нужны неоспоримые доказательства. План простой. Для Совета и Веллер мы продолжаем нашу холодную войну за бюджет. Мы должны создать иллюзию, что всё еще грызем друг другу глотки, но за закрытыми дверями мы начинаем копать. Я беру на себя административный корпус.

— Каким образом? — прищурилась я. — Вас и на пушечный выстрел не подпустят к архивам.

— Журнал в мастерской она переписала задним числом, — жестко пояснил генерал. — Но доступ в самую мастерскую в нерабочие часы дублируется в главной караульной книге коменданта башни. Эта книга прошита магической нитью, её нельзя просто переписать, можно только вырвать страницу. Я найду способ сверить эти журналы. Если страницы нет — у нас есть доказательство подлога. А вы, Мелисса, берете на себя химию.

Я кивнула, мгновенно улавливая его мысль.

— Настойка горькой гвоздики. Это препарат строгой учетности. Если она страдает от тремора и принимает её регулярно, чтобы держать руки в норме, она не могла обойтись одним флаконом. Я подниму журналы лазарета за последний год. Кто-то должен был списывать недо-стачу или оформлять выдачу под другим предлогом. Я найду, через кого она получала препарат.

— Отлично, — Арден хищно усмехнулся. — Но нам нужны глаза и уши по всей академии. Веллер наверняка установит за нами слежку. Мы не сможем постоянно бегать друг к другу на кафедру без подозрений.

— Нам нужны курьеры, — задумчиво протянула я. — Легальный повод для моих людей находиться в вашем крыле, а для ваших — в моем. И при этом мы должны за две недели сделать из этих детей единый организм, хотят они того или нет. Иначе мы провалим аттестацию.

Взгляд Ардена вспыхнул тем самым азартом, который я видела на полигоне.

— Обмен заложниками, Мелисса. Мы смешаем группы. Мои боевики пойдут учиться к вам, а ваши медики — ко мне. Официально — чтобы наказать их за провал и заставить понять работу друг друга. Неофициально — это наша агентурная сеть и единственный шанс научить их работать в связке до проверки.

— Пакт, — я серьезно кивнула, протягивая ему руку. — Мы скрываем расследование от ректора. И мы начинаем ломать границы восприятия студентов.

Он крепко сжал мои пальцы.

— Собирайте своих студентов, Мелисса. Пора сбросить на них эту бомбу.

Большая аудитория встретила нас густым, напряженным гулом.

Студенты, как и ожидалось, разделились ровно пополам. Слева, с хмурыми лицами, сидели боевики. Огромный Брам занимал сразу два места, скрестив на груди руки-кувалды. Рядом Торн методично протирал тряпочкой тренировочный нож, а Иара... Иара вела себя странно. Вместо того чтобы сверлить взглядом противоположный лагерь, она то и дело обменивалась многозначительными взглядами с нашей Эвой. Те, кто вчера узнал о саботаже Веллер, явно чувствовали себя хранителями государственной тайны и изо всех сил пытались не выдать свое знание остальным.

Справа жались мои медики. Лисетт раскладывала на парте чистые бинты, а Талберт сидел ровно посередине между рядами, в самом эпицентре невидимой линии фронта, всем своим видом воплощая концепцию нейтралитета.

Мы с Арденом поднялись на кафедру одновременно.

— Приветствую, вас, кадеты, — громко произнес генерал.

Боевики мгновенно подскочили. Медики неуклюже засуетились, роняя конспекты, и тоже поднялись.

— Садитесь, — я сделала спокойный жест рукой. — Позавчера на полигоне вы наглядно продемонстрировали, как за тридцать восемь секунд можно блестяще, громко и совершенно бессмысленно угробить самих себя и своих товарищей, и вина голема в этом далеко не перво-степенная.

Брам насупился, открыв рот, чтобы огрызнуться в защиту факультета, но я не дала ему вставить ни слова. Выдержав паузу, я вытащила смятый министерский свиток и бросила его на кафедру.

— Из-за недавнего провала старший аудитор Веллер официально назначила нам внеплановые итоговые испытания. Ровно через две недели, — громко объявила я.

По рядам прокатился тревожный шепоток.

— Если мы провалимся, — подхватил Арден, его голос перекрыл шум, — комиссия решит, что ни один из наших факультативов академии не нужен. Обе программы, и боевая, и целительская, будут полностью упразднены. Ваши мечты об элитных специальностях и привилегированных местах службы закончатся здесь и сейчас.

Я смотрела на вытянувшиеся лица студентов. Они осознали масштаб надвигающейся катастрофы.

— Вы не можете работать с тем, чего не понимаете, — я вышла из-за кафедры. — Курсант Брам, вы раздавили медицинский артефакт, потому что понятия не имели, что это такое. Вы смотрели на целителей, как на досадную обузу.

Я остановилась и повернулась к Ардену. Мы не репетировали эту речь, но я знала, что он поймет ход моих мыслей.

— Чтобы показать достойный результат через две недели, нам придется сломать границы факультетов, — я снова повернулась к студентам. — Я ввожу новое правило. Начиная с сегодняшнего дня, студенты факультатива по боевой подготовке обязаны посещать мой факультатив полевой хирургии. Вы будете сидеть за одними партами с медиками. Вы будете своими руками срывать разорванные артерии и учиться стабилизировать големов. Вы должны понять и прочувствовать, как мы работаем, чтобы в бою давать целителям нужное пространство и время.

В аудитории повисла мертвая тишина. Боевики в шоке уставились на меня. Брам выглядел так, словно ему предложили добровольно выпить яд.

Но за этим громким педагогическим заявлением у меня был и второй мотив. Если я затащу этих упрямых парней в свои лаборатории, покажу им холодную красоту медицины... Возможно, часть из них поймет, что спасать жизни куда интереснее, чем просто размахивать мечом. Мне нужно было переманить хотя бы нескольких человек из-под крыла генерала.

Я бросила короткий, торжествующий взгляд на Ардена.

Он стоял, прислонившись бедром к краю стола. Его серые глаза на мгновение сузились. Он безошибочно считал мой маневр. Увидел двойное дно. Генерал понял, что это не просто гениальный тактический ход для сплочения команд, но и откровенная вербовка на его территории.

Уголок его губ медленно, хищно пополз вверх. О, он оценил игру.

— Выдающееся предложение, магистр Вейн. И абсолютно логичное, — громко произнес Арден, выходя вперед. — Справедливость — важная часть нашего сотрудничества. Если мои

щитовики должны знать, как зашивать раны, то ваши целители обязаны знать, как держать строй.

Теперь настала очередь моих медиков бледнеть. Эва судорожно поправила очки.

— Начиная с сегодняшнего вечера, — генерал обвел тяжелым взглядом правый фланг, — студенты из полевой хирургии будут в обязательном порядке посещать мои занятия по боевой подготовке. Вы наденете тренировочные куртки. Вы будете бегать кроссы, учиться падать, уклоняться от ударов и держать базовый щит. Потому что мертвый медик не спасет никого. Вы должны стать неуязвимыми тенями за спинами моих солдат.

— Но магистр! — взвизгнула Лисетт, хватаясь за край парты. — У нас тонкая моторика! Нам нельзя качать тяжелые мышцы, мы потеряем чувствительность пальцев!

— Вчера на полигоне чувствительность пальцев не помогла вам увернуться от моего курсанта, — безжалостно отрезал Арден. — Вы будете тренироваться до тех пор, пока ваши рефлексy не станут быстрее мыслей.

Аудитория застонала. Это был стон чистой, неразбавленной студенческой боли. Они поняли, что попали в жернова.

И только один человек в зале выглядел абсолютно счастливым.

Талберт медленно, с достоинством поднялся со своего нейтрального места посередине зала. Он обвел сокурсников снисходительным взглядом человека, который уже познал все круги ада и теперь наблюдал, как туда спускаются остальные.

— Добро пожаловать в мой мир, глубокоуважаемые коллеги, — с чувством произнес он, потирая синяк под глазом. — Рекомендую заранее купить побольше охлаждающих мазей. И морально подготовиться к боли.

— Сядьте, Талберт, — синхронно, в один голос рявкнули мы с Арденом.

Студент мгновенно плюхнулся обратно на скамью, но довольная улыбка с его лица так и не исчезла.

Я снова посмотрела на Ардена. Мы только что официально запустили программу обмена «заложниками». Наша холодная война плавно перетекала в сложный, болезненный процесс интеграции.

— Расписание вывесят на доске объявлений после обеда, — подытожил Арден. — Свободны. И да помогут вам боги, если вы опоздаете на мои занятия.

Когда студенты, мрачно перешептываясь, потянулись к выходу, Арден чуть наклонился ко мне.

— Блестящая попытка переманить моих людей, доктор Вейн, — тихо произнес он. В его голосе проскользнуло явное уважение к моей хитрости. — Решили ударить по их интеллектуальному голоду?

— Вы тоже не растерялись, генерал, — в тон ему, с легкой полуулыбкой ответила я. — Решили компенсировать наш недостаток физической формы? Смотрите, как бы мои девочки не отбили у ваших парней желание казаться героями.

— Посмотрим, чьи педагогические способности окажутся лучше, — его глаза смеялись. — Но признайтесь, Мелисса... Это был красивый ход. С обеих сторон.

Я не стала отрицать. Мы оба понимали главное: пока аудитор Веллер сидит в своем кабинете и ждет нашего полного провала, мы создадим из этих перепуганных детей монолит, который однажды снесет её вместе с её идеальными канцелярскими отчетами. И этот процесс мне начинал чертовски нравиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.